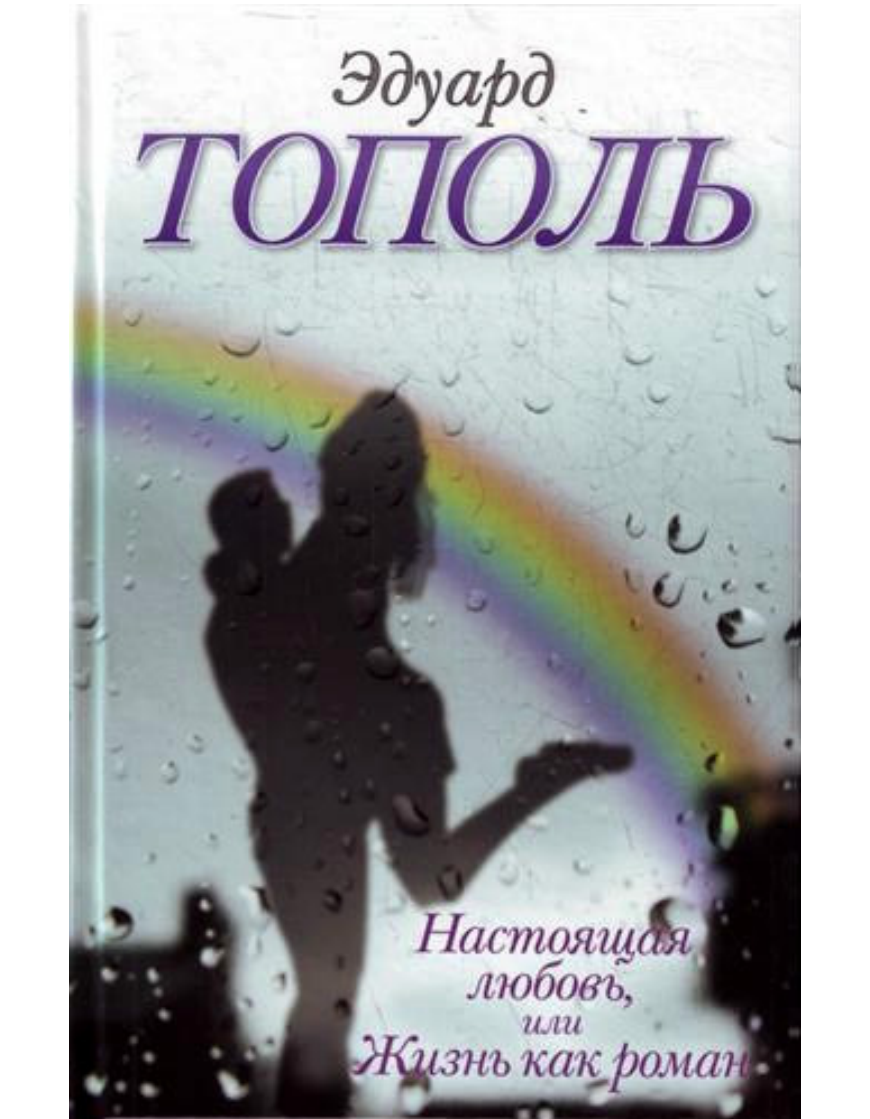

Эдуард
ТОПОЛЬ

The background of the cover is a photograph of a window covered in raindrops. A vibrant rainbow is visible through the glass. In the foreground, the dark silhouette of a couple is shown in a romantic embrace, their forms partially obscured by the rain and the rainbow's light.

*Настоящая
любовь,
или
Жизнь как роман*

Эдуард Владимирович Тополь

Настоящая любовь, или

Жизнь как роман (сборник)

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4410735

Настоящая любовь, или Жизнь как роман: АСТ, Астрель; М.; 2011

ISBN 978-5-17-072252-5, 978-5-271-37226-1

Аннотация

Невыдуманные истории о жизни и настоящей любви.

Содержание

Предисловие	4
ЛЮБОВЬ С ПЕРВОГО ВЗГЛЯДА	6
ВЛЮБЛЕННЫЙ БИСМАРК	83
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Эдуард Тополь

Настоящая любовь, или Жизнь как роман

Предисловие

Цитировать самого себя нескромно.

Но когда я думал, как ввести читателя в эту книгу и объяснить, зачем я ее придумал, я тут же вспомнил старую ненецкую легенду об Острове Любви, которая вошла когда-то в мой роман «Красный газ». У меня нет его под рукой, и каким-то образом он исчез даже с полок московских книжных магазинов, поэтому цитирую по памяти.

Легенда гласит, что где-то далеко-далеко за Северным Ледовитым океаном есть остров, на котором люди могут передвигаться только с помощью настоящей любви. Потому что все обитатели этого острова – одноногие. Но и стоять на одной ноге они не могут из-за сильных ветров на этом острове. Зато, обнявшись, они могут ходить и даже бегать. И чем сильнее они любят друг друга, тем крепче обнимаются и, следовательно, тем крепче стоят на ногах, быстрее ходят и бегают. А у кого нет любви, то есть кто никого не любит или кого никто не любит, тот просто инвалид, он лежит в снегу,

замерзает и умирает.

Я думаю, что это гениальный образ силы настоящей любви.

И в эту книгу я собрал только документальные повести о такой настоящей любви – короткие и длинные, трагические и оптимистические, всякие. А поскольку опубликованы они были в разное время и читатели в своих письмах интересуются дальнейшей судьбой героев, я снабжаю эти публикации короткими постскриптами.

Приятного вам чтения и Настоящей Любви.

Эдуард Тополь

Москва, январь 2001

ЛЮБОВЬ С ПЕРВОГО ВЗГЛЯДА

Литературный сценарий.

Из книги «Игра в кино»

...А был он молод, он был непристойно молод – пятнадцать с половиной лет. И поэтому он еще гонял в футбол с мальчишками нашей улицы. Я помню ее и вижу – нашу Бондарную улицу, этот раскаленный асфальт узкой мостовой и каменный коридор приплюснутых друг к другу домов с плоскими крышами, залитыми киром – смесью битума и асфальта.

Днем здесь – душное пекло, жар источают и дома, и мостовая, а кир, расплавившись на солнце, стекает по водосточным трубам, как густой черный мед. В руках у кирпичиков длинные стальные мешалки-ковши, а сами они измазаны копотью и похожи на сталеваров, и горький дым из котла плывет по улице и никуда не уплывает, поскольку ветра нет и уплыть дыму некуда, разве что в открытые окна квартир и в балконные двери.

В квартирах дым оседает копотью на белые скатерти и покрывала, на лаваш и мацони, которым с утра до ночи пичкают многочисленных грудных и негрудных детей нашей улицы. И когда чернеют белые тюлевые занавески и копоть вместе с изюмом плавает в манной каше или в черную крапин-

ку рябит только что выстиранное и вывешенное для сушки белье – шумней шумного становится на нашей и без того не тихой улице. Разъяренные старухи, давно опустившие чадру с лица на плечи, перегнувшись через перила балконов, осыпают проклятиями флегматичных кирщиков и заодно с ними мальчишек, гоняющих в футбол. Только в южных городах, пестрых от многоязыковой смеси, можно услышать такие красивые и звучные проклятия, расцвеченные, как палас, ругательствами всех закавказских языков плюс великий и могучий язык старшего северного брата. О, эти проклятия – воистину гремучая смесь!

Однако ни кирщики, ни мальчишки не обращают на ругань никакого внимания. Кирщики молча варят асфальт, а мальчишки шумно играют в футбол, не замечая ни бранящихся старух, ни прохожих и вылавливая свой мяч чуть ли не из-под колес машин, изредка проезжающих по нашей улице.

Да, я помню тебя и вижу, Бондарная улица. И этот ежедневный – с утра до ночи – футбол, в него играли не только мальчишки, но и двадцатилетние отцы тех самых грудных детей, которых молодые мамы кормили манной кашей с копотью. Нет, возрастной ценз не существовал на этом футбольном поле, то есть, простите, на этой футбольной мостовой нашей улицы. Даже сорокалетний дебил Мустафа играл с мальчишками в футбол на равных...

...В этот апрельский день они тоже играли в футбол. Они

гоняли мяч с тем азартом, с каким могут гонять мяч мальчишки, когда им от десяти до сорока. И он – Мурат – ничем не отличался от них, в нем даже роста, как на грех, было 166 сантиметров, да так и осталось на всю жизнь 166, ну разве потом, после армии, прибавилось еще пару. И он был такой же черный, как все, вернее – такой же грязный и смуглый, с разгоревшимися от азарта углями черных глаз. Наверно, он и в футбол играл не хуже и не лучше других, потому что забил мяч не в ворота, а на наш балкон. Впрочем, мяч попадал на наш балкон регулярно, и никакого ЧП в том не было. Поэтому, когда кто-нибудь из нас был дома и снизу раздавался свист, мы выходили на балкон, спокойно сбрасывали мяч, и игра под нашими окнами продолжалась. А когда никого из нас не было дома, мальчишки взбирались на наш балкон по проходящей рядом водосточной трубе, и достать мяч должен был тот, кто забил его.

Мурат забил мяч на наш балкон, сунул два пальца в рот и свистнул, но на балкон никто не вышел, и Мурат стал привычно карабкаться по водосточной трубе. Он проделал это легко и быстро, я бы сказал – беспечно, еще не зная, что преодолевает ровно четыре метра, отделяющие его футбольное детство от всей дальнейшей жизни. Да, это был роковой для него и для нашей семьи подъем.

Мяч лежал у перил рядом с тазом созревающей айвы, но дверь в комнату была приоткрыта, и потому, прежде чем прихватить вместе с мячом сочную айву, Мурат заглянул в

квартиру.

И обмер.

На диване лежала абсолютно голая Сонька. Она лежала на животе, перед ней были ноты, а простыня, которой Сонька укрывалась, сползла с ее спины на пол, потому что, видите ли, и под простыней Соньке было жарко. Упершись локтями в валик дивана, Сонька разучивала Второй концерт Рахманинова. Мурат не знал, что она разучивает Рахманинова, хотя если бы и знал – ну что бы это изменило? Он увидел мою сестру Соньку, он увидел ее сразу всю – так измученный жарой солдат разом выпивает ковш колодезной воды. Эта мерзавка лежала на диване голая, выставив свою белую девятнадцатилетнюю попку и распустив по плечам тяжелые роскошные волосы. Хмуря тонкие брови, сосредоточенно и серьезно, с вдохновением школьницы она распевала Второй концерт Рахманинова, а такт отбивала голой ножкой по валику дивана.

Только нетерпеливый окрик футболистов вернул Мурата к действительности. Он испуганно сбросил мяч, а потом почти кубарем скатился по водосточной трубе вниз, и лицо у него было в этот момент растерянное и безрассудное, как у дебила Мустафы, и, спрыгивая на тротуар, он чуть не сшиб проходившего под балконом мясника и верзилу Арсена. Арсен еще в шестнадцать лет весил 120 килограммов, поэтому он никогда не играл в футбол и с детства ненавидел футболистов. Когда Мурат сверзился рядом с ним на тротуар, за-

цепив локтем его огромную кепку-восьмиклинку, Арсен тут же схватил его за горло.

– Э! Пусти, да! – нетерпеливо и пренебрежительно сказал ему Мурат, словно Арсен хотел почесать ему за ухом, а не сломать шейные позвонки. И с силой стряхнул арсеновскую руку со своего горла и тут же крикнул своему школьному приятелю, гонявшему с ним в футбол: – Серый, давай мой портфель!

Сашка Серый, сын водопроводчика, жил на втором этаже в доме напротив нас, у него было четыре брата и пять сестер, и младшая половина этого семейства вечно торчала в зарешеченных окнах своей квартиры, упираясь в эти решетки надутыми пузиками с еще неутопленными пупками. Эти пупки красовались на их голых животах, как хвостики на арбузах.

– Ара, еще не доиграли, – сказал Мурату Сашка Серый, сказал с типичным южным акцентом и с этим кавказским междометием «ара», хотя в крови у Серого не было ни капли восточной крови.

– Давай, давай, – сказал ему Мурат, а мясник Арсен, совершенно потрясенный столь небрежным к его 160-килограммовой фигуре отношением, пожал плечами и пошел прочь.

Серый крикнул наверх этим арбузным хвостикам, чтобы они сбросили портфель Мурата, и малыши с удовольствием выпихнули в дыру под решеткой тощий черный портфель с

оторванной ручкой.

– Ара, что случилось? – обеспокоенно спросил Серый у Мурата.

– Ничего, домой надо, – сказал Мурат и ушел, а за его спиной тут же раздался крик:

– Я за него! Я за него!

Это выскочил из подворотни Гога-рыжий, сын стоматолога Махарадзе. Он на ходу доедал бутерброд.

Игра возобновилась, но Мурат уже не видел и не слышал ее.

Он степенно дошел до угла улицы, свернул на Красноармейскую и... опрометью бросился домой. Бежать ему было недалеко, он жил в трех кварталах от нас, на тихой улице имени русско-украинского писателя Гоголя, где почему-то никогда не играли в футбол.

Дома он швырнул портфель в угол и суматошно перевернул нижний ящик кухонного шкафа. Там хранилось все – от старой обуви до треснувшего питьевого рога. Среди этого старья Мурат нашел наконец обшарпанный полевой бинокль и умчался на улицу, ошарашив свою мать и старшую сестру Бибигюль тем, что впервые отказался от обеда. Только на ходу схватил со стола полбатона чурека.

С этим полубатоном и биноклем он – уже не по тротуару, а по плоским крышам – вернулся к нашей улице и, задыхаясь от бега, шмякнулся на горячий кир. С крыши дома, где он разлегся (это был все тот же дом Серого), были видны окно

и балконная дверь нашей квартиры.

Не обращая внимания на раскаленный кир, тут же прилипший к его локтям и рубаше, и держа в зубах полчурека, Мурат навел бинокль на балконную дверь нашей квартиры.

Диван был пуст.

Сонька сидела за столом, ела зеленый щавельный борщ – ей пора было идти в музучилище.

И – она была в халатике.

И – она по-прежнему что-то читала, но уже не пела при этом, а просто читала, может быть – историю музыки, поскольку на носу были выпускные экзамены.

Она ела щавельный борщ, забыв про хлеб.

Хлеб на крыше противоположного дома жевал Мурат.

Всухмятку.

А внизу играли в футбол. От мостовой до крыши, на которой лежал Мурат, было двенадцать метров, не больше. И в то же время – очень далеко. Как от детства до первой любви.

Сонька вышла из подъезда с черной папкой для нот и, опасливо обогнув орущих в футбольном азарте мальчишек, пошла в свое музучилище. Увесистая дерматиновая папка для нот с ручками-шнурами оттягивала Соньке руку.

Нужно ли говорить, что Мурат следовал за ней – сначала по крышам, а затем по улицам.

Свернув за угол, Сонька встретила маму – мама шла с базара, несла кошелку, полную зелени и баклажанов.

– Ты поела? – спросила мама у Сони.

Конечно, Сонька поела.

– А газ выключила?

– Ну, мама! – укоризненно сказала Сонька.

– А когда ты придешь?

– Вечером. Мы после занятий идем в филармонию.

– Знаю я эту филармонию! – сказала мама. – Опять будешь шландаться с этим грузином!

– Ну, мама! – сказала Сонька. – Он же в консерватории учится. Мы правда идем в филармонию. Из Вильнюса скрипач приехал, я же тебе говорила.

– Ой, смотри, Сонька! – сказала мама и пошла домой.

А Сонька пошла в училище, и за ней на расстоянии десяти метров, как привязанный, плелся Мурат.

А вечером, поздним вечером, когда нашу Бондарную улицу освещают лишь закопченные фонари и в окнах гаснет свет, а в подворотнях-растворах стихает сухой стук нард, Сонька возвращалась домой, и провожал ее «этот грузин» Картлос – красивый флейтист из очень интеллигентной семьи, студент первого курса консерватории.

Тихо отслоились от стены три фигуры и тихо преградили дорогу Картлосу и Соньке.

– Закурить есть? – спросил у Картлоса Гога Махарадзе, сын стоматолога.

– Я не курю, – сказал Картлос.

Серый повернулся к Мурату, спросил:

– Бить?

– Подожди, – сказал Мурат и попросил Картлоса: – Отойди на минуточку.

– Не хочу, – сказал Картлос.

– Ара, ну бить? – опять спросил у Мурата нетерпеливый Сашка Серый.

– Хулиганы! – сказала Сонька. – Серый, я твоему отцу скажу. Не трогайте его.

– А кто его трогает? – спросил Серый. – С ним поговорить хотят. Ара, ты мужчина или нет? – спросил он у Картлоса. – Ты можешь от нее отойти?

– Ну, могу, – сказал Картлос, хотя ему не хотелось.

– Не ходи! – сказала ему Сонька. – Серый, я буду кричать.

– Ара, не будем мы его бить, – сказал ей Гога, под руку отводя Картлоса в сторону. – Что мы – трое одного будем бить? Пальцем не тронем.

Вчетвером они отошли от Сони на пять шагов. Остановились.

– Ты с какой улицы? – спросил Мурат у Картлоса.

– С Самеда Вургуна, а что? – сказал Картлос.

– А зачем по нашей улице ходишь? – спросил Гога. – Я по твоей улице хожу?

– Ара, что с ним говорить? – сказал Серый и ударил Картлоса под дых.

И тут на них налетела Сонька.

– Бандиты! Зверюги! – Она лупила их по головам тяжелой дерматиновой папкой для нот, но они не обращали на нее внимания, а когда Гога замахнулся на нее, Мурат резко двинул его в бок. Гога выпучил глаза:

– За что, эй?

– Ее не трогай, – сказал Мурат. – Серый, пусть она идет домой.

Но тут Сонька с размаху шмякнула папкой ему по голове. Он посмотрел ей в глаза и сказал:

– Еще!

А Картлос вырвался наконец из кольца, отбежал в сторону. Серый и Гога погнались за ним.

А Сонька в истерике продолжала бить Мурата папкой по голове, он стоял, набычившись, и после каждого удара говорил:

– Еще.

Сонька устала и заплакала.

– Бандюги! – проговорила она сквозь слезы. – Все равно я буду с ним ходить...

– Не будешь, – сказал Мурат.

И с этого дня он таскался за Сонькой повсюду.

Он ждал ее по вечерам при выходе из музучилища.

Из распахнутых окон музыкальных классов лились на улицу скрипка и фортепиано, виолончель и флейта, но особенно изводили Мурата скрипачи – они выжимали из своих

инструментов не музыку, а кизилковый сок.

Мурат слонялся по тротуару и слушал, слушал и постепенно привыкал к этим непонятным звукам.

А потом выходила Сонька. Она выходила с подругами и шла с ними по улицам, демонстративно не обращая внимания на следовавшего позади Мурата. А он шел за ней на расстоянии десяти шагов. Десять шагов – не ближе, не дальше.

А Сонька шла в библиотеку или в филармонию – иногда даже с Картлосом, – и Мурат опять ждал ее и тащился следом, провожая до угла Бондарной улицы, откуда ему было видно, что она наконец пошла домой.

И это привело все-таки к драке, потому что однажды Сонька пошла с Картлосом на бульвар, и там Картлос встретил своих ребят с улицы Самеда Вургуна, и они избили Мурата.

Но на следующий день – с синяками и разбитой бровью – он опять ждал Соньку при выходе из музучилища.

А лил, между прочим, дождь – хлесткий майский дождь.

Мурат стоял напротив училища, прячась от ливня под козырьком какого-то подъезда, и кто-то из Сонькиных подруг, выглянув в окно, увидел его съежившуюся фигуру и показал Соньке.

Сонька разозлилась. Она выскочила из класса, спустилась по лестнице к парадному подъезду училища и, открыв двери, крикнула Мурату:

– Иди сюда!

Он отрицательно покачал головой.

– Иди сюда! – приказала Сонька.

Он нехотя с независимым видом пересек под дождем улицу.

Сонька схватила его за мокрую руку, втащила в подъезд своего училища. В маленьком вестибюле было тепло, сухо, за барьером сидела дежурная.

Прижав Мурата к стене, Сонька сказала ему почти с ненавистью:

– Ну чего ты хочешь? Чего?

– Ничего... – ответил он.

– А зачем торчишь здесь? Зачем?

Он пожал плечами.

– Это смешно! – сказала она. – Смешно, понимаешь? Между нами ничего не может быть, ничего! Ты маленький, понимаешь, ма-лень-кий!

– Я вырасту.

– Дурак!

– Дворкина, – подошел к Соньке секретарь комитета комсомола училища, – ты распространила билеты?

– Восемь штук осталось, – сказала Сонька.

– А о чем думаешь?

– А никто не берет, – сказала Сонька. – Стипендия только послезавтра.

– Меня не касается, – сказал секретарь и спросил у Мурата: – Ты из нашего училища?

– Нет, – ответила вместо Мурата Сонька. – Он школьник.

– Школьник? Очень хорошо, – сказал секретарь. – Отдай ему билеты, пусть распространит в своей школе. В порядке шефской помощи. В какой ты школе? – спросил он у Мурата.

– В 71-й... – сказал Мурат.

– Это на улице Кецховели?

Мурат кивнул.

– Так это же наш район, – сказал секретарь Соньке. – Отдай ему билеты, запиши фамилию, а я позвоню их секретарю. И запомни, Дворкина, нам нельзя замыкаться в своем кругу. Раз ты культмассовый сектор – нужно нести культуру в народ. Ясно?

– Ясно, – сказала Сонька.

– Значит, договорились. Я записываю в плане работы: совместный поход в филармонию со школьниками 71-й школы. В порядке шефской помощи.

И ушел.

Сонька посмотрела на Мурата, сказала сухо:

– Идем. Я дам тебе билеты.

Вдвоем они стали подниматься по лестнице.

– А что там будет? – спросил Мурат.

– Органный вечер. Ты любишь орган?

Он пожал плечами.

Они шли мимо классов, из каждой двери неслась музыка – скрипка, фортепиано, хор, опять скрипка, флейта...

Мурат шел, озираясь по сторонам, за ним на ковровой до-

рожке оставались следы от мокрых туфель.

Сонька, спеша, чтобы не попадаться на глаза педагогам и подругам, говорила на ходу:

– Пошли, пошли. Сейчас звонок будет.

Она завела его в комнату комитета комсомола. Здесь две девушки-студентки разрисовывали очередной номер стенгазеты, третья двумя пальцами клевала клавиши пишмашинки, отстукивая для газеты статьи, четвертая по телефону отчитывалась за комсомольские взносы.

Все они подняли головы, с любопытством воззрились на мокрого Сонькиного спутника.

– Это наш комитет, – сказала Мурату про этих девушек Сонька, подошла к сейфу, открыла его, достала билеты и толстую общую тетрадь. Села за стол, стала записывать. – Школа номер 71. Как твоя фамилия?

– Расулов Мурат.

– Ответственный Расулов, – записала Сонька. – В каком классе?

– В девятом, – хмуро сообщил Мурат.

Студентки потеряли к ним интерес, стали заниматься своими делами.

А Сонька насмешливо скривила губы:

– Девятый класс, а уже... Распишись. Концерт сегодня в семь часов, а деньги можешь принести завтра. Четыре рубля. Успеешь распространить билеты?

Он расписывался молча, потом спросил:

– А ты в каком ряду сидишь?

Девчонки опять заинтересованно подняли головы.

– Я этого органиста в прошлом году слушала, – сказала Сонька, собираясь встать.

– Тогда не надо. – Мурат положил билеты на стол.

– Что не надо? – удивилась Сонька.

– Не надо билеты.

Сонька насмешливо усмехнулась. Работая, так сказать, «на публику», спросила с улыбкой:

– А если я пойду?

Он взял со стола билеты, оторвал один, положил перед Сонькой, спросил хмуро:

– Точно пойдешь?

– Ну, если ты меня приглашаешь... – улыбнулась Сонька, взяв билет.

Девчонки прыснули.

– Скажи «клянусь матерью», что придешь, – сказал он.

– Дурак! – разозлилась Сонька. – Ты где это говоришь? Это же комитет комсомола!

– Скажи «клянусь матерью», – набычившись, повторил Мурат.

– Ну хорошо, приду, честное комсомольское, – сказала Сонька.

Последние четыре часа до начала концерта прошли как в бреду. Во-первых, сразу из училища Мурат помчался к Гоге

Махарадзе. У Гоги, сына стоматолога, было три костюма, и один из них – если перешить пуговицы на пиджаке и заузить брюки в поясе – пришелся Мурату впору. С Гогиным костюмом Мурат помчался домой, велел старшей сестре Бибигюль перешить эти пуговицы и наскоро заузить эти брюки. Пара чистых отцовских рубаш были Мурату явно велики, а своей чистой не было. Поэтому он тут же принялся стирать под краном свою единственную белую рубашку. Но холодной водой рубашка не отстирывалась, и мать забрала ее у Мурата, стала стирать по-настоящему – то есть сначала разогрела воду. Поглядывая на часы, Мурат метался по квартире, когда сестра сказала:

– Ты лучше пойді постригись...

Он помчался в парикмахерскую и возвратился домой с такой набриолиненной головой, словно ее покрыли черным лаком.

На их тихой улице имени русско-украинского писателя Гоголя кирщики варили кир – они переехали сюда с нашей Бондарной улицы. Густой дым поднимался над их котлами и плыл по улице Гоголя, растекаясь над крышами и оседая во дворах и квартирах.

Увидев этот переселившийся на их улицу котел, Мурат сорвался с места и бегом помчался домой. А вбежав во двор своего дома, в ужасе остановился – так и есть, мать повесила свежестыранную белую сорочку во дворе, но теперь это была уже не белая сорочка, а в черную крапинку. Копоть са-

дилась на нее прямо на глазах...

В овальном зале вестибюля филармонии «светская» публика чинно – парами и по трое – ходила по кругу и вела тихие и якобы интеллигентные разговоры. Женщины, изображая из себя чуть ли не великосветских княгинь, не забывали при этом поглядывать в огромные зеркала на стенах и ревниво осматривали туалеты друг на друге.

Сонька в одиночестве стояла у стены и удивленно смотрела на часы – до начала концерта оставалось несколько минут, но ни Мурата, ни вообще ребят школьного возраста в вестибюле не было. Такое поведение «кавалера» задело бы любое самолюбие, а уж Сонькино...

В доме на улице Гоголя Мурат натянул вторично выстиранную рубашку – от нее еще шел пар, поскольку мать только-только прошла по ней горячим утюгом. На ходу набросив пиджак, Мурат сказал отцу:

– Отец, рубль дай, рубль...

– Ара, мать тебе дала четыре рубля, – удивленно сказал отец. – Зачем тебе еще?

– Галстук куплю по дороге, ну быстро...

– А возьми у соседа, да! Акрам, дай ему твой галстук! – попросил он через окно у соседа, который пил чай на своей веранде. – Один раз идет в филармонию, прямо весь дом перевернул, честное слово. Гога тоже идет?

– Идет, идет, – нетерпеливо сказал Мурат. – Культпоход у нас.

– Чтобы четыре рубля один билет стоил! – пожаловался отец соседу Акраму, когда тот подал в окно свой галстук. – Эти учителя, наверно, думают – я деньги на машинке печатаю...

...Наконец Мурат выскочил на улицу. В костюме, в белой сорочке, с туго повязанным галстуком и с шевелюрой, набриолиненной до черного сияния. Было без шести минут семь. В кармане у Мурата было четыре рубля, но он не стал ловить такси. Он побежал пешком. От его дома до филармонии было около двух километров – это не так уж много для хорошего спринтера, но, во-первых, Мурат не был спринтером, а во-вторых, на беговой дорожке, то есть на улицах, было полным-полно народу, высыпавшего под вечер подышать прохладой после жаркого дня.

Мурат бежал в филармонию – не бежал, а летел. На ходу огибая прохожих, ввинчивался в компании гуляющих, выныривал чуть ли не из-под колес машин, сворачивал в проходные дворы. Бриолин уже тек по его лицу, пиджак и белая сорочка взмокли.

В филармонии открыли двери в зал, и публика, прекратив кружение по вестибюлю, устремилась на свои места.

Сонька, поглядев на опустевший вестибюль, пожалала пле-

чами и вошла в зал.

Она отыскала восьмой ряд и уселась на свое место. По обе стороны от нее было семь свободных мест – справа четыре, а слева три. Это в почти переполненном зале! Вокруг усаживались на свои места зрители, а эти семь мест были свободны, и никто сюда не садился. Соньке было неловко сидеть тут в одиночестве, она нервно вертелась в кресле. Кто-то из студенток училища, сидевших в заднем ряду, подошел к ней, спросил:

– У тебя тут свободно?

– Занято, – нервно сказала Сонька. – Наверно, занято. Не знаю...

Студентка ушла назад, явно обидевшись, потому что весь зал уже уселся, а на сцену выходила ведущая. По деревянной сцене процокали ее каблучки, и в торжественной тишине она объявила звонко, отделяя каждое слово:

– Начинаем концерт органной музыки!..

У входа в филармонию взмокший Мурат выхватил из кармана семь билетов, оторвал один, протянул билтерше, а остальные сунул обратно в карман.

Билтерша посмотрела на него с удивлением – у него был явно зачумленный вид, глаза горели, по лицу и рубашке расползся бриолин. Но билет есть – билтерша пустила его.

Он влетел в зал, когда органист уже раскланивался с аплодирующей публикой и ведущая объявляла первый номер:

– Бах! Прелюдии и фуги!

Мурат пробежал по пустому проходу, нашел восьмой ряд и шмякнулся в кресло рядом с Сонькой.

Сонька посмотрела на него уничижительным взглядом и демонстративно отвернулась.

Он достал из кармана четыре рубля, положил ей на сумочку, которую она держала на коленях.

– Это за билеты, – сказал он.

– А где же?.. – Соня кивнула на пустые места.

Он пожал плечами. Она посмотрела на него, усмехнулась, достала из сумочки полтинник и положила ему на колено.

– Это за мой билет, – сказала она и опять отвернулась к сцене, где органист уже занимал место за клавиатурой органа.

Мурат покосился на Соньку – она сидела выпрямив спину, глядя строго перед собой, и во всем ее облике была отчужденность и неприступность.

Ей казалось, что весь зал смотрит сейчас на них, на эту странную пару в восьмом ряду, сидящую отдельно ото всех и окруженную пустотой свободных кресел.

И от этого Сонька злилась и краснела.

– Туда смотри, – сказала она Мурату сквозь зубы, не повернув головы и только взглядом показывая на сцену.

И тут зазвучал орган. Мурат удивленно оглянулся – величественный рокот органа он слышал впервые в жизни. Маленький органист Гарри Гродберг потерялся на фоне своего

гигантского инструмента, и казалось – сам Бах низвергает свои прелюдии и фуги на эту обособленную пару в восьмом ряду.

Сонька умела слушать музыку – все-таки она была музыкантшей. Поэтому вскоре она забыла обо всем, кроме музыки, и сидела уже свободней, а не так, словно аршин проглотила.

А Мурат следил за маленьким органистом и больше удивлялся его сноровке, чем слушал музыку. И еще – поглядывал на Соню.

– Слушай! Ты слушай! – изредка говорила ему Сонька и однажды – во время какого-то очень свирепого баховского извержения звуков – даже взяла его за руку и сжала ее.

Мурат аж окаменел от этого ее прикосновения и взмок, словно его бросило в жар.

О, этот Бах! Он венчал их в эти минуты, он венчал в эти минуты совершенно невероятную пару в восьмом ряду – Соньке было девятнадцать лет, а Мурату еще не было шестнадцати.

Впрочем, ни Мурат, ни Сонька, ни тем более его величество Бах не знали тогда, что это – венчание...

Но может быть, помимо своей воли и знания, Соня и Мурат чувствовали в этой музыке НЕЧТО – ведь Бах есть Бах, как ни крути. Я думаю, что чувствовали, – они сидели какие-то притихшие, а уединенность в своем восьмом ряду еще больше сближала их...

...Теперь по законам кинематографа должна прозвучать пощечина. О, как бы это было по-киношному – после Баха, после первых тонких нитей музыки, связавших моих героев, – выстрелить пощечиной, которую, например, Сонька дала Мурату за то, что он, допустим, решил ее поцеловать!

Но что же мне делать – ведь пощечины не было, не было...

А был по-южному темный вечер, и крупные кавказские звезды плыли над городом, а Мурат и Сонька шли домой, и Соньке неловко было идти рядом с ним, поскольку он на два сантиметра ниже ее ростом и моложе на четыре года. А единственное, о чем думал Мурат, – это взять ее под руку или нет. Взять под руку или нет – кто из нас в молодости не решал таких задач-головоломок?! А Соньке меньше всего хотелось встретить знакомых.

А Мурату больше всего хотелось взять ее под руку.

Ой, какой простой и какой сложный вопрос!

Они переходили какую-то улицу, навстречу шла машина, и Мурат, воспользовавшись этим, взял Соньку под локоть.

Он вел ее через улицу, как ведут слепого, или – он нес ее локоть, как несут рюмку, полную до краев. Ой, почему такие узкие улицы в нашем городе?! На той стороне улицы Сонька высвободила руку, и они опять пошли порознь и молча.

Господи, как трудно в юности найти тему для разговора, для самого простого разговора с девушкой, в которую ты влюблен!

– Тебе понравился концерт? – спросила Соня.

– Ага... – И только через несколько шагов: – А тебе?

– Мне очень...

И опять – затяжное молчание, и снова они переходят улицу, и снова он берет ее под локоть, а на той стороне улицы она опять высвободила руку.

Наконец, все убыстряя шаг, они пришли к нашему дому.

– Спасибо. До свидания, – сухо сказала Соня, как и положено по протоколу.

– А может быть, это... погуляем? – робко предложил он.

– Зачем? – спросила Соня.

– Ну, так...

Она отрицательно покачала головой:

– Не могу. Брат приехал. В отпуск из армии. До свидания, – сказала Соня и подала Мурату руку.

– До свидания! – Он обрадовался – ведь она не может с ним еще погулять только потому, что приехал брат! А так бы...

Он пожал ей руку и даже не попытался задержать ее руку в своей.

– А в другой раз погуляем? – спросил он с надеждой.

У нее не хватило духу убить его отказом, она сказала:

– Может быть. До свидания.

И тут же ушла и взбежала по лестнице на второй этаж, а он стоял и слушал цокот ее каблучков. И когда хлопнула наверху дверь и все затихло – он пошел домой. Но слово «пошел»

тут не годится, потому что душа у него в этот момент пела. И, поддев ногой валявшуюся на дороге консервную банку, он финтом послал ее в темноту улицы...

Вот и все. А пощечины не было. Не было...

А теперь такая легкая-легкая музыка. Как в хорошем кино.

Мы идем по солнечной стороне улицы – я и моя сестра Сонька. На мне форма моряка Балтийского Краснознаменного флота, гюйс вытравлен морскими ветрами, бескозырка заломлена, на бескозырке золотом – «Балтийский флот». Рядом идет Сонька. Она в легком платье-мини, и волосы подбраны в узел.

Я говорю с ней как взрослый и старший брат.

– Цель! – говорю я. – Понимаешь, главное – выбрать цель и не сдаваться. Я писал стихи даже в наряде. И по ночам. И на вахте. А потом взял и послал их в Литинститут. И пришел ответ: «Вы прошли творческий конкурс». Но если бы мне отказали, я бы на будущий год попробовал снова, в пятый раз...

Сонька слушает внимательно, почти внемлет. На нее засматриваются прохожие. Она у меня красивая – Сонька! Но что-то они очень уж странно на нее засматриваются – с сожалением и удивленно.

Я останавливаюсь и смотрю на Соньку. Она – сплошное внимание и вообще – сестринское обожание в глазах. Еще

бы! Ведь я прошел творческий конкурс в Литинститут, я буду писателем!

И я продолжаю:

– И вообще, борьба – это интересно! Доказать всем, что ты – это ты. А главное – самому себе доказать. Запомни: каждый человек стоит столько, во сколько он сам себя ценит...

Какая-то старушка даже остановилась, засмотревшись на Соньку. Что за черт? – думаю я.

– Ну-ка, повернись, – говорю я Соньке и осматриваю ее.

Нет, все нормально, платье не порвано, не испачкано – что они смотрят?

– Да, – говорю я, успокоившись, и двигаюсь дальше. – Главное – мобилизация всего себя и уверенность в своих силах...

И тут я вижу, в чем дело. Я вижу это в зеркальной витрине парикмахерской. Сонька идет чуть позади меня, на полшага сзади и... волочит ногу. Нарочно! Конечно, люди будут оборачиваться – такая молоденькая, такая красивая и... хромоножка!

Сонька вовремя перехватила мой взгляд в зеркальной витрине – я не успел дать ей по шее. Замахнулся, но не успел. И она рывком бросилась наутек, заливаясь от смеха. Разозлившись, я побежал за ней.

Красивые стройные Сонькины лодыжки мелькали впереди и отливали на солнце матовым блеском.

Конечно, для меня – моряка-балтийца – догнать ее было

плевым делом.

– Мама! – крикнула Сонька, чувствуя, что я вот-вот ей накостыляю.

И вдруг остановилась как вкопанная, с расширившимися от ужаса глазами.

Возле нашего дома стояла «скорая помощь».

– Мама?! – сдавленно крикнула Сонька и помчалась к дому.

– Мама... – беззвучно прошептала Сонька и тихо осела по стене рядом с дверью, на которой была надпись: «Операционная».

Мимо нас – меня и осевшей на корточках Сони – санитары прокатали носилки с укрытым простыней телом.

– Соня... – Я попробовал поднять сестру, но она даже не почувствовала этого.

Она раскачивала головой, как в забытьи, как метроном, – из стороны в сторону – и шептала бескровными губами:

– Ма-ма... ма-ма... ма-ма...

И глаза ее были сухи и ничего не видели...

И волосы, пышные Сонькины волосы шуршали по известке белой больничной стены...

У мамы было больное сердце, но никто из нас не знал об этом.

А у ворот больницы дежурил Мурат. Третьи сутки. Ждал

Соню, меня и нашу маму. Но теперь, на третьи сутки, дежурство закончилось.

Дорогу заслоняла спина водителя. Мы с Соней сидели сзади него на брошенной на пол подушке переднего сиденья. Все остальные, кроме водительского, сиденья были демонтированы, то есть сняты, и теперь во всю длину кабины такси «ЗИС-110» лежал цинковый гроб.

Спелое осеннее лето – все в зелени плодов, листьев и взрослой травы, все в шорохах и трепете жизни – мчалось навстречу машине.

Сухо стучал счетчик-таксометр, сбрасывая десятки в нули и снова начиная с десяти копеек.

Дорога шла серпантинном – среди горных террас, укрытых зеленью кипарисов и прочей южной растительностью. Под этой зеленью белели корпуса санаториев. Иные из них выбегали к дороге, к шоссе, выставляя напоказ свою беспечную курортную жизнь, круторогих гипсовых козлов и придорожные рестораны «Отдых». Во дворе одного из этих ресторанов-шашлычных какой-то молодой парень обливал сам себя водой из шланга. Жизнь была ему в загорелые плечи тугой серебристой струей, брызги отлетали далеко в стороны и катились по пыльному асфальту шариками ртути.

А Сонька сидела рядом со мной, и глаза у нее были застывшие и неживые.

А счетчик все стучал – сухо и бесстрастно, как метроном.

– Может, выключишь? – сказал я водителю. – Я по спидометру заплачу.

– Тут ГАИ всю дорогу, – ответил он, но счетчик выключил.

И почти тут же нас остановил грузин-орудовец.

– И что везешь? – сказал он водителю и потребовал: – Путевку!

Водитель протянул ему путевку, сказал:

– Сам не видишь? Люди мать хоронят...

Он сказал это с вызовом, с сознанием того, что сейчас, защищенный нашим горем, он может даже нахамить милиционеру. Помню, меня это неприятно кольнуло, но я смолчал.

Милиционер посмотрел на меня, на Соню и спросил совсем иным, участливым голосом:

– Далеко едете?

– В Белоруссию, – сказал я.

– Хотят рядом с отцом похоронить, – добавил, объясняя, водитель.

Милиционер вернул водителю путевку, сказал коротко:

– Поезжай...

И посмотрел на Соню – наверно, хотел сказать еще что-то участливое, ведь у грузин тоже культ матерей, но шофер уже включил скорость.

В Дербенте он купил два мешка яблок.

Бабы с ведрами яблок стояли вдоль шоссе у ресторана «Дорожный», но наш водитель – мужик хозяйственный и об-

стоятельный – высмотрел самые лучшие и недорогие яблоки – на подводе. Он притащил эти два мешка яблок почти бе-гом, высыпал яблоки прямо на пол машины и сказал:

– Даром взял, ей-богу. Купить вам?

– Поехали, – сказал я.

– Конечно, поехали. – Он смутился совсем чуть-чуть, а может, и вовсе не смутился.

Он отнес продавцу пустые мешки, а потом, усевшись на свое место, взял со дна машины яблоко, обтер его рукавом рубахи, надкусил и повернулся к нам.

– Ты попробуй, – сказал он мне. – И вообще – кушайте. Чего уж теперь? Жить-то надо...

Я знал, что жить надо, что надо жить, но...

Мама лежала в яблоках, в спелых яблоках «белый налив».

– Мама! – выдохнула Сонька и наконец заплакала. Впервые за все это время.

Под простым старым памятником с выгоревшей красной звездой лежали осенние полевые цветы, а рядом высился второй холмик из свежевыкопанной земли, укрытой такими же цветами. На памятнике была табличка: «Старший лейтенант Дворкин И.М. 1919–1944 гг.». На маминой могиле еще не было ни памятника, ни таблички.

Мы сидели рядом с этими могилами. Я и Соня.

Молчали. Где-то вдаль, за поселком-усадьбой колхоза «Рассвет» прогремел поезд.

На краю кладбища остановилась «Волга», из нее вышел бритый наголо пожилой мужик в шерстяном костюме и белой рубашке, вышитой белорусским орнаментом. Подошел к нам, сел на лавочку. Потер бритую голову, закурил.

– Вот чего, – сказал он. – Ты езжай и служи себе спокойно, понял? Сколько тебе служить осталось?

– Год, – сказал я.

– Вот и служи, – сказал он и повернулся к Соне: – А ты у нас останешься, будешь в музыкальной школе работать, мы тебе сначала комнату дадим, а после, если насовсем останешься, – квартиру, дом то есть.

Соня посмотрела на него, на меня.

– А чего? – сказал он. – Могила вашего батьки на нашей земле, а теперь и мать тут. Значит, обязаны мы в вас участие принять, я так понимаю. За то он и кровь тут проливал, так я понимаю. А то что она там одна будет в вашем городе делать? На какие шиши жить? А у нас музыкальная школа уже четвертый год работает, так что тут тебе самое место, дочка, я так понимаю. А квартира ваша городская за тобой, парень, останется, поскольку ты в армии служишь и вообще. Вы без вещей приехали?

– Без, – сказал я.

– Жалко. Ну, ничего, мы ей подъемные дадим, съездит за вещами, привезет, а мы тут ей пока хату оборудуем.

– А вы кто? – спросил я.

– А я председатель колхоза, – сказал он. – Я тут с тво-

им батькой воевал, мне тогда четырнадцать лет было. Это вы святое дело сделали, что мать сюда привезли, к отцу. Я в райцентре на пленуме был, не успел на похороны. Тебя как звать?

Был осенний перрон, поезд кропило дождем и снегом.

Соня была под черным зонтиком и в черном траурном платье. Провожали ее флейтист из консерватории Картлос, Мурат и две подруги из музучилища. Мурат и Картлос внесли Сонькины вещи в вагон.

Потом они стояли на перроне, подруги расцеловались с Соней, и настал черед прощаться с ребятами. Соня сказала Мурату и Картлосу:

– Спасибо вам. Теперь вы не будете драться.

Она протянула руку Картлосу, он пожал ее и чуть задержал в своей руке.

Затем она подала руку Мурату.

Но он стоял не двигаясь, молча глядел ей в глаза. Дождь и снег увлажнили его лицо и непокрытую голову.

– Глупый, – сказала Соня. – Ты хороший. А я тебя била тогда. Больше не буду...

Она усмехнулась улыбкой взрослой и мудрой женщины – все-таки, как я понимаю, Соньке, помимо всего, еще чуть-чуть нравилось изображать из себя взрослую, убитую горем женщину.

– Больше не буду, – кротко усмехнулась она. – Прощай.

И поцеловала Мурата в лоб, как ребенка. Тут поезд тронулся, Соня вскочила на подножку.

Мурат, Картлос и Сонины подруги пошли рядом с вагоном.

– Напиши. Адрес свой напиши. Напишешь? – спрашивал Мурат, идя рядом с подножкой.

– Хорошо, – говорила Соня. – Напишу.

Но это были просто слова – Мурат почувствовал это по ее интонации и уже почти отсутствующему взгляду. Поезд набирал ход, все отстали от вагона, и только Мурат бежал рядом с подножкой, держась за поручень.

– Соня, ты напиши, ладно? Сразу напиши...

– Ты упадешь. Ты же упадешь! Отпусти! – Соня испуганно попробовала разжать его пальцы, вцепившиеся в поручень, а проводница, схватив веник, стала бить его по этой руке.

Да он и сам почувствовал, что уже не может угнаться за поездом и что перрон должен вот-вот кончиться.

– Я люблю тебя! – закричал он вдруг. – Я люблю тебя! – И отпустил поручень в двух шагах от конца платформы.

Поезд уносил Соньку, а Мурат стоял на краю перрона и смотрел ей вслед.

Сзади подошел Картлос, постоял рядом, достал из кармана папиросы «Казбек».

– Закурим? – сказал он, предлагая Мурату открытую пачку.

– Дурак ты... – сказал ему Мурат.

И снова была весна, и, сдав последний экзамен за десятый класс, они гурьбой высыпали из школы – выпускники школы номер 71. Шумной компанией двинулись по улице, а потом перекрестки стали дробить их – ребята по трое, по четверо откалывались от класса и уходили домой...

Мурат, Гога Махарадзе и Сашка Серый шли в обнимку и так же в обнимку свернули на Бондарную улицу.

Гога сказал «до вечера» и нырнул в свой подъезд. Серый погрозил кулаком наверх, в зарешеченное окно своей квартиры, где по-прежнему торчали голые пузики его младших братьев и сестер, пополнившихся за прошедший год еще одним арбузом с хвостиком. Он погрозил им кулаком, потому что из окна по фасаду дома текла подозрительно тонкая струйка. Но угроза не произвела на малышей впечатления, и Серый пошел домой принимать более действенные меры.

А Мурат откинул мальчишкам-футболистам подкативший ему под ноги мяч, потом взглянул на наш балкон и окна – они были закрыты ставнями.

Он посмотрел на эти закрытые ставни, вздохнул и тоже пошел домой – на свою улицу имени русско-украинского писателя Гоголя.

Подойдя к дому, он увидел, что ворота их двора открыты настежь, а там, во дворе, стоит пыльная полуторка. Приехавшие на этой машине дальние деревенские родственники дядя Иман и дядя Рафик с помощью отца, матери и стар-

шей сестры Мурата Бибигюль сгружали с этой полуторки зеркальный шкаф, тахту и цветные пестрые одеяла. Одеял была целая гора – может, двадцать штук.

Мурат остановился в воротах, не понимая, что это значит, потом окликнул проходившую мимо мать:

– Ма, они к нам жить приехали?

Но тут его заметили приехавшие из деревни дядьки, прыгнули с машины, радостно бросились к нему, принялись обнимать и восхищаться:

– Вай, какой большой стал! Совсем взрослый, слушай!

– Дядя Иман, вы к нам жить приехали? – спросил Мурат.

– Жить? Почему жить? – удивился дядя Иман. И посмотрел на отца Мурата в недоумении.

Отец отвел Мурата в сторону и сказал, что дядя Иман не жить к ним приехал, а привез приданое. Разве Мурат забыл, что он с детства обручен с дочкой дяди Имана? Теперь невесте исполнилось 16 лет, а он, Мурат, окончил школу. Нет, женить их сейчас никто не собирается. Мурату сначала нужно в институт поступить, а невеста еще в восьмом классе учится, но невесте школу кончать и не обязательно, а вот когда Мурат поступит в институт...

Но Мурат не дослушал. Он бросился в дом, схватил эти пестрые цветные одеяла и потащил назад, к машине. Он устроил нехорошую сцену, он кричал своему дяде Иману, чтобы тот убирался со своим барахлом, и все тащил и тащил из дома во двор эти пестрые цветные одеяла. Мать плакала,

хватала его за руки, кричала, что это позор на ее седую голову, но он вырывался из ее рук, и снова бежал в дом, и снова выбрасывал во двор пестрые цветные одеяла.

Дядя Иман стоял, потрясенный обидой.

Отец рассвирепел, подошел к сыну и с размаху дал ему такую оплеуху, что Мурат отлетел к зеркальному шкафу, зеркало хрястнуло и осыпалось вместе с Муратом на эти пестрые одеяла.

– Ишак! – сказал отец Мурату, повернулся и подошел к дяде Иману. – Ничего, – сказал он дяде Иману. – Молодой он просто. Горячий. Ничего. Осенью привози невесту.

Дядя Иман ничего не сказал. Дядя Иман сел в машину, рядом с ним сел дядя Рафик, и они выкатили со двора пустую полуторку. Развернулись и уехали по тихой улице Го-голя, на которой почему-то никогда мальчишки не играли в футбол.

Мурат поднялся наконец с пестрых одеял – сначала на четвереньки, потом и на ноги встал.

Рядом стоял отец, смотрел, как он поднимается.

Замахнулся, хотел дать сыну новую оплеуху, но мать повисла у него на руке, сдержала.

– Вырастила! – сказал матери отец. – Перед такими родственниками позорит! У Имана брат – большой человек!

Обедали в молчании. Долма, приготовленная для гостей, стыла в большом блюде.

Мурат сидел рядом со своей старшей сестрой Бибигюль, на лице у него вздулся синий фингал, ухо отекло.

– Ты невесту видел? – спросил отец.

– Не видел, – хмуро сказал Мурат.

– А не видел – зачем отца позоришь? Зачем мать позоришь? Сестру? Невеста красавица, слушай, шестнадцать лет! Дядя ее – большой человек, начальник треста. Что я тебе – плохое хочу?

– Не женюсь я, – хмуро сказал Мурат. – В армию пойду.

– Я тебе пойду! – пригрозил отец. – Про сестру свою думаешь? Пока ты не женишься, она замуж выйти не может. А ей уже двадцать лет, совсем старуха.

– Пускай выходит, да! – сказал Мурат.

– Ты меня не учи! «Пускай выходит!» Она тебя ждет, порядок такой.

– Она с Ашотом встречается, а не меня ждет, – сказал Мурат.

– С каким Ашотом? – Отец отложил ложку.

– С Айрапетяном, футболистом из ереванской сборной. Я их в «Динамо» видел.

Отец повернулся к Бибигюль, сказал просто:

– Убью!

– А он с Сонькой встречался с Бондарной улицы, – сказала Бибигюль. – Она старше его на четыре года.

– Русская? – спросил отец.

Мурат молчал.

– У нее мать из Белоруссии, а отец русский. Он в нее уже два года влюблен, – мстительно сказала сестра.

– Поэтому жениться не хочешь? – спросил отец у Мурата. Мурат опять молчал.

– Так... – сказал отец. – С Бондарной улицы? Это не та, которая мать на нашей земле хоронить не стала?

– Они ее на родине похоронили, рядом с отцом, – сказал Мурат.

– На нашей земле жили, а как хоронить – так тут им не родина, – сказала Бибигюль.

– А ты молчи! – сказал отец. – Я тебя убью за футболиста. Ты что – среди нашей нации не можешь себе найти футболиста? – И повернулся к Мурату: – Вы нас с матерью тоже на родину повезете хоронить, в деревню, рядом с отцами положите, ясно?

– Отец, ты что говоришь?! – испуганно сказала мать.

– Я знаю, что говорю, – сказал отец. – Им не сказать, они не только отца с матерью рядом не похоронят, они вообще свою нацию забудут. Другие, видишь, – родителей на родину везут хоронить, соблюдают нацию, а эти! Футболисты! Женишься на дочке Имана! – сказал он Мурату и повернулся к дочери: – А ты найди себе из нашей команды...

– Не женюсь я, – сказал Мурат.

Отец посмотрел ему в глаза, но Мурат выдержал взгляд. Отец усмехнулся.

– Хорошо, – сказал он. – Если ты так любишь эту с Бон-

дарной улицы, приведи ее в дом, я хочу на нее посмотреть.

– Отец! – испугалась мать.

– Ничего, пусть приведет, – сказал отец. – Познакомимся, да! – И усмехнулся.

– Нет ее тут, – сказал Мурат. – Уехала она, в Белоруссию.

– А поезда ходят, – сказал отец. – Я деньги на машинке не печатаю, но билет на поезд еще могу купить...

– Отец! – испугалась мать. – Ты что делаешь?

– Ну, если ему наша невеста не подходит, пусть свою привезет, – сказал отец. – Если только сможет... – Он посмотрел на Мурата и добавил: – А не сможешь привезти – женишься на дочке Имана. Я сказал.

Мать запричитала, что это будет позор на ее седую голову – отказаться от невестки своей нации, взять невестку другой нации...

Отец подошел к ней, положил руку на плечо, сказал усмехаясь:

– Айши, не плачь. Что она, дура, что ли, – с таким мальчишкой ехать?! Если она мать так похоронила – значит, уже не дура, а взрослый человек. А взрослому человеку зачем муж мальчишка? Он один вернется, мать, все хорошо будет.

– Один не вернусь, – сказал Мурат.

– Езжай, посмотрим, – сказал отец.

Поезд грохотал на стыках рельсов, нагнетая скоростью и грохотом беспокойство и нетерпение в мальчишеской, по су-

ти, душе Мурата. «Тра-та-та! Тра-та-та! Тра-та-та!» – все убыстрял свой ход поезд, и если перевести это на язык музыки, то композитор на нотах этого «тра-та-та» написал бы сверху: «аллегро», «еще аллегро», «аллегро как только можно!»

А потом сразу стало тихо-тихо.

Мурат сидел в зелени тихой поселковой улицы крупного белорусского колхоза «Рассвет».

На другой стороне улицы была двухэтажная музыкальная школа, оттуда доносились негромкие звуки фортепиано и скрипки, а посреди улицы купались в пыли куры, и у водопроводной колонки гуси пили воду, задирая к небу длинные шеи.

Где-то вдали, за поселком, прошумел поезд.

Мимо Мурата прошли девчонки лет по четырнадцать, с любопытством оглянулись на этого непривычно «чернявого» парня, сидевшего на лавочке у плетня яблоневого сада.

Потом по улице промчался мальчишка-велосипедист, он ехал, продев ногу в велосипедную раму. Увидев Мурата, он оглянулся и чуть не наскочил на гусей...

Спустя еще минуту мимо Мурата прошли какие-то старухи, тоже оглянулись: «Турок, что ли?» – «Да нет, цыган»...

Наконец в музыкальной школе прозвенел звонок, и оттуда высыпали дети – со скрипками, с нотными папками в руках. Эти тоже не миновали Мурата. Девочка лет семи, первоклассница, остановилась напротив Мурата и стала молча

и сосредоточенно разглядывать его. Долго разглядывала.

От этого всеобщего внимания Мурату было не по себе, но он молчал, терпел.

Наконец вышла Соня.

Увидев Мурата, изумленно остановилась.

Он встал, направился к ней. Девочка-первоклассница молча двинулась за ним. Как привязанная.

– Прилука, иди домой, – сказала девочке Соня.

Девочка посмотрела на нее, словно очнувшись ото сна. По-краснела и убежала.

– Здравствуй, – сказал Мурат Соне.

– Здравствуй. Как ты нашел?

– Нашел, – сказал Мурат. – Я за тобой приехал.

– Как это? – не поняла Соня.

В окнах окружающих хат торчали любопытные женские головы. Мурат посмотрел на эти прислушивающиеся к их разговору лица, спросил:

– Ты тут где живешь?

– Я... – Соня чуть замялась, потом сказала: – Пойдем сюда.

Она завела его во двор музыкальной школы, там в саду стояла беседка. Соня села на скамью, показала ему место напротив себя.

– Садись.

Они были вдвоем, вокруг – стена плотной зелени. И Мурат не удержался, порывисто потянулся к Соне.

– Соня!

– Не нужно. Подожди. Сядь, – мягко и грустно остановила его Соня. – Сядь. Слушай.

Он сел, но слушать не стал.

– Почему ты не писала? – сказал он.

Она смотрела на него, как смотрят взрослые женщины на что-то далекое и грустно-прекрасное. Потом сказала:

– Послушай. Ты молодой. Ты ведь еще совсем молодой. Тебе еще рано...

– Не рано! – перебил он. – Мне уже восемнадцать лет. Через четыре месяца. Отец сказал, если ты приедешь...

– Подожди, подожди! – попросила Соня с какой-то мукой в голосе. – Глупый... – Она вздохнула: – Я замужем, Мурат, я тут вышла замуж.

Он смотрел на нее молча, одеревенев. Потом встал. И на деревянных ногах пошел из беседки.

– Мурат! – позвала она. – Мурат...

Он не оглянулся.

А она не стала звать его больше – что она могла сказать ему? Она сидела в беседке и плакала, сама не зная почему...

Где-то вдаль, за поселком, прогудел поезд, а по зеленой деревенской улице, где купались в пыли куры и гуси пили воду, вытягивая к небу длинные шеи, от Сони уходила молодость – ее южная беззаботная молодость...

Поздним вечером пришел с работы муж. Ему было 28 лет,

он работал хирургом в местной больнице. На столе его ждал остывший ужин, а Соня сидела по другую сторону стола, проверяя нотные тетради – диктанты по сольфеджио. В стороне от тетрадей лежал вскрытый почтовый конверт.

– От брата? – спросил у Сони муж, подойдя к умывальнику и принимаясь по профессиональной привычке долго и тщательно мыть руки.

– Да, – сказала Соня.

– Ну, можно поздравить?

– Нет, – сказала Соня.

Он удивленно повернулся к ней.

– Наверно, он провалился на экзаменах, – сказала Соня.

– Но он же прошел творческий конкурс...

– А потом – экзамены, – грустно сказала Соня. – Пишет, что его взяли на работу в газету, стажером. Уже напечатал одну статью...

– Н-да... – неопределенно сказал муж. – Где же он живет?

– Пока у какого-то приятеля. Я поеду к нему на каникулы.

– Ну-ну... – Он вымыл наконец руки, сел к столу, вздохнул: – Устал. Даже есть не хочется...

Она вопросительно глянула на него.

– Парня одного привезли, – сказал он. – Я уже домой ушел, и так две операции было сегодня, и вдруг привезли. То ли с поезда упал, то ли сам бросился – трезвый совершенно. Между прочим, земляк твой. Расулов фамилия.

Соня в ужасе посмотрела на него.

– Как ты сказал? – медленно произнесла она.

– Я говорю, земляк твой. Расулов фамилия. – Он принялся есть.

– Что с ним?

– Ребро сломал и вообще – побился. Но ничего, жив, я его заштопал. Ты чего? – Он удивленно перестал есть, глядя, как Соня вскочила с места, заметалась было по комнате, собираясь то ли переодеться, то ли набросить что-то на себя, а потом – как была в домашнем халате – бросилась из комнаты.

– Соня!

Но она уже выбежала из дома.

Она прибежала в больницу запыхавшаяся, с растрепанными от бега волосами. С трудом переведя дыхание, спросила у дежурной медсестры:

– Где он?

– Домой ушел, час как ушел, что с вами? – удивилась та.

– Кто ушел?

– Ну, муж ваш, Олег Павлович...

– Расулов где? Расулов, мальчик!

– А, мальчик! В боксе он, спит.

– Проводи меня...

Медсестра, недоумевая, провела ее в бокс – маленькую палату. На ходу говорила:

– Олег Павлович ему операцию сделал и швы наложил, спит он теперь... Чернявый такой, грузин, наверно... Вот он

тут.

– Сама ты грузинка, – сказала Соня и открыла дверь палаты.

На койке – перебинтованный, с пластырями на лице и с запекшимися губами – спал Мурат.

Соня вошла, села рядом с койкой на стул.

Молча смотрела на спящего Мурата.

Медсестра мялась в двери, потом кашлянула.

– Иди, Зоя, я посижу... – сказала Соня.

Медсестра ушла, а Соня продолжала сидеть. Во сне Мурат чуть поморщился от боли – видно, у него еще горело от ушибов лицо.

Соня наклонилась к нему и тихо, почти неслышно поцеловала сначала рассеченную бровь, потом – пластырь на лбу, расцарапанную щеку...

Он вздохнул во сне и словно улыбнулся. Она отстранилась. Потом медленно встала, вышла из палаты и тихо закрыла за собой дверь.

По коридору больницы навстречу ей шел озабоченный муж, его сопровождала медсестра.

– Что случилось? – спросил он у Сони. – Ты знаешь этого парня?

– Знаю, – сказала Соня. – Он приезжал ко мне.

– К тебе? – удивился он. – Зачем?

Она посмотрела на него, потом сказала медсестре:

– Зоюшка, когда он проснется, ты не говори ему, что я

была. Он будет спрашивать – ты не говори, ладно? А утром я ему с Олегом Павловичем завтрак пришлю. Но ты скажешь ему, что это такой... ну, больничный завтрак, ладно? – Соня посмотрела на мужа и сказала ему: – Пока он будет лежать, я буду ему готовить. Только не говори ему, что ты мой муж... – Ну хорошо... – пожал плечами муж. – А кто он тебе?

– Теперь это уже не имеет значения, Олик, – грустно сказала она. – Сколько он будет лежать?

– Перелом ребра. Месяц, – сказал муж. – Ты же собиралась ехать в Москву, к брату.

– Значит, не поеду.

Осенью, когда тутовые деревья осыпают на тротуары нашего города спелые мохнатые ягоды и на улицах не встретишь ни одного незагорелого человека, перед зданием университета собирается огромная толпа бледнолицых юношей и девушек. Это – абитуриенты, сдавшие последний экзамен и теперь лихорадочно отыскивающие свои фамилии в списках зачисленных в институт.

В этой клокочущей всеми страстями – от буйной радости до безутешных девичьих слез – толпе прорваться к спискам так же нелегко, как к кассам кинотеатра во время очередной недели арабского фильма.

Мурат, Гога Махарадзе и Серый все же протиснулись к спискам принятых на физико-математический факультет.

Список был невелик – фамилий тридцать, столбиком, и

фамилии были в нем не в алфавитном порядке, а по числу баллов, которые набрали абитуриенты, – сначала шли фамилии тех, кто набрал 25 баллов, потом – 24 (и среди них фамилия Сашки Серого), а в самом конце списка стояли две фамилии – какой-то Аверидзе и Расулов М., то есть Мурат.

– Приняли! – радостно бросился в объятия Серого Мурат и тут же оглянулся на опечаленного Гогу Махарадзе. – Слушай, а где твоя фамилия?

Вдвоем с Сашкой Серым они опять провели пальцем по списку, но фамилии Махарадзе в нем не было.

– У тебя ведь тоже 23 балла! – сказал Мурат с недоумением.

Гога в ответ пожал плечами.

– Это ошибка, – решительно сказал Мурат. – У меня 23 балла – меня приняли, у тебя 23 балла – тебя не приняли. Нет, это ошибка. Пошли к декану! – И, схватив Гогу за руку, Мурат потянул его сквозь толпу.

Декан сидел в своем кабинете, возвышаясь над письменным столом, как усталый монарх после изнурительной, но победоносной битвы с вандалами. На столе перед ним лежали гроздья спелого винограда «шаны», в открытое окно тянулась тутовая ветка, полная, как сказал бы Юрий Олеша, плодов и листьев.

Монарх, то бишь декан, чем-то похожий на киноартиста Этуша, блаженствовал от разом наступившего после экзаме-

нов затишья. Впереди была, конечно, полоса дипломатических переговоров, то есть скандалов, с родителями абитуриентов, не принятых в институт, слезы, угрозы, истерики, но все это начнется через несколько часов, когда только что вывешенные списки станут известны этим родителям. А сейчас можно было передохнуть. Поэтому декан говорил, растягивая каждое слово, словно разжевывая отдельно каждую ягоду винограда «шаны».

– Расулов... Расулов... – сказал он Мурату, стоявшему вместе с Гогой и Серым в двери его кабинета. – Слушай, Расулов, а сколько у тебя по математике?

– Пять, – ответил Мурат.

– А почему 23 балла набрал?

– По английскому тройка...

– Теперь ты, Махарадзе, скажи – у тебя сколько по математике?

– Тройка, – понуро сказал Гога Махарадзе.

– Но у него по всем другим отлично, – сказал Серый.

– Совершенно правильно, – доброжелательно сказал декан. – Значит, если бы я был деканом факультета иностранных языков, я бы из них двоих кого принял в первую очередь? Тебя, Махарадзе. Но ты, дорогой, поступал на физико-математический факультет. Таким образом, если для тех, кто набрал 23 балла, оставалось только два места, кого я должен был принять в первую очередь? Того, у кого пятерка по математике. То есть Расулова. Логично я рассуждаю?

– Логично... – понуро согласился Махарадзе.

– Ну вот видишь, дорогой. Значит, на следующий год учишь математику – приходи.

– Его на следующий год в армию призовут, – сказал Мурат.

– Очень хорошо, – сказал декан. – Наша армия – это большая жизненная школа, дорогой. Захочет – после армии придет к нам учиться. Мы после армии с большим удовольствием в первую очередь принимаем. Еще есть вопросы?

– Нету больше. До свидания, – сказали ребята и открыли дверь, чтобы уйти.

– До свидания, – сказал им декан. – Студент Расулов, держитесь.

Мурат удивленно остановился в дверях. Гога и Серый вышли.

– Проходи, студент Расулов, садись, дорогой, – сказал декан и показал на кресло напротив себя. – Значит, когда свадьбу сыграешь? Бери виноград, угощайся.

– Какую свадьбу? – не понял Мурат, присев напротив декана в кресло.

Декан посмотрел на него пристально.

– Твоя фамилия Расулов?

– Расулов.

Декан достал из кармана блокнот, заглянул в него, спросил:

– Мурат?

– Мурат.

– Все правильно. Напугал ты меня, слушай. Я думал, перепутал. У тебя в Рашкесане есть дядя Иман?

– Есть, – подтвердил Мурат в недоумении.

– У него двоюродный брат начальник треста есть?

– Есть...

– И как его фамилия?

– Не знаю, – сказал Мурат.

– Нехорошо, – сокрушался декан. – Таких родственников не знать фамилию – очень плохо, дорогой. Его фамилия Гаджили, понимаешь?

– Понимаю.

– Что ты понимаешь?

– Ну, что его фамилия Гаджили... – сказал Мурат.

– Слушай, у тебя совсем нет логического мышления, дорогой. Я это еще на экзаменах заметил. Моя фамилия тоже Гаджили, теперь понимаешь?

– Нет.

– Ой как плохо! Двоюродный брат отца твоей невесты – мой двоюродный брат, понимаешь! Значит, вручая тебе студенческий билет, я тебе, как своему будущему племяннику, делаю скромный свадебный подарок. Когда свадьбу играешь?

Мурат помолчал, потом вскинул глаза, спросил в упор:

– Значит, меня приняли в институт по блату? Только потому, что я женюсь на дочке дяди Имана?

Декан откинулся в кресле, сказал укоризненно:

– Слушай, зачем такие слова говоришь? Мы в институт по благу никого, между прочим, не принимаем. Это я тебе честное слово даю. А что касается помощи – так я тебе на математике задал один наводящий вопрос.

– Два, – сказал Мурат.

– Ну, два наводящих вопроса, – согласился декан. – Я же за тебя не сдавал экзамен. Ты сам за себя сдавал экзамен. Я только на английском экзамене ужасно переживал – там я тебе ничем не мог помочь. Я русский язык знаю, фарси знаю, немножко французский знаю, а английский совсем не знаю. Но, слава Аллаху, ты же не двойку получил. И вообще, слушай, о чем мы говорим? Ты уже студент, через пять лет дядя твоей жены, может быть, совсем большой пост будет занимать, а ты уже будешь инженер, тебе руководящую должность можно будет доверить, логично я рассуждаю?

– Логично, – сумрачно согласился Мурат. – Я могу идти?

– Конечно, можешь, дорогой. Иди готовься к приезду невесты. Хорошо встретить невесту – это, мой дорогой, тоже для мужчины большой экзамен. Там наводящий вопрос никто не задаст...

Мурат хмуро шел по коридору университета. Возле двери с вывеской «Приемная комиссия» стояла очередь ребят и девушек. Среди них был и Гога Махарадзе. Из приемной комиссии бывшие абитуриенты выходили с папками в руках

– со своими документами. Мурат подошел к Гоге.

– А где Серый? – спросил Мурат у Гоги.

– Домой пошел, там же волнуются, – хмуро сообщил тот.

– А-а, – протянул Мурат.

Очередь быстро продвигалась – ребята называли свои фамилии, и девушка-секретарша легко находила на полке папки с их документами.

– Карасева, – назвалась стоявшая впереди Гоги девушка.

– Карасева... Карасева... – повторила секретарша, нашла на полке папку с надписью «Карасева» и подала ее девушке. – Аттестат, две справки, три фотокарточки. Распишитесь. Следующий...

Девушка расписалась, а Гога сказал:

– Махарадзе.

– Махарадзе... Махарадзе... – повторила секретарша и нашла папку с его документами. – Аттестат, две справки, три фотокарточки. Распишитесь. Следующий.

– Расулов, – сказал ей Мурат.

– Ты что? – изумился Гога.

– Расулов... Расулов... – автоматически повторила секретарша. – А ваших нет документов. Расулов? Разве вас не приняли?

– Да приняли его, он вас разыгрывает, – сказал Гога.

– Слушай, ты чего – издеваться сюда над нами пришел? – спросил парень, стоявший за Муратом.

Но Мурат не ответил ему, спросил у секретарши:

– А если меня приняли, где сейчас мои документы?

– В отделе кадров, – ответила она.

– Ты ишак, ты идиот, сумасшедший! – говорил Гога, топча за широко идущим по улице Муратом.

Под мышкой у Мурата была папка с его документами, шел он молча и целеустремленно.

– Клянусь отцом, клянусь матерью, ты – самый большой ишак в моей жизни! – не отставал Гога. – Ты что думаешь – тебе за это памятник поставят? Куда ты?

Мурат резко свернул с тротуара в открытые двери парикмахерской. Клиентов в парикмахерской не было, тут было прохладно и тихо, и три парикмахера в глубине салона неторопливо пили чай из тонких гнутых стаканчиков «армуды». На появление Мурата и Гоги они никак не отреагировали.

Мурат сел в свободное кресло, спросил у вошедшего следом за ним Гоги:

– Мы к экзаменам вместе готовились?

– Ну, вместе, – сказал Гога. – Ну и что?

– Он тебе на математике какие вопросы задавал?

– Ну, какие вопросы? Обыкновенные вопросы.

– Врешь! Он тебе трудные вопросы задавал. Он тебя срезал. А меня вытащил. Из-за кого? Из-за моей невесты. Это честно?

– Слушай, ты дурак, честное слово, – сказал Гога. – Математику мы оба плохо знаем. Так хоть бы ты учился, а так –

ни ты, ни я. К тебе невеста приезжает – ты об этом думаешь?
– Думаю. Не нужна мне невеста. Не буду я жениться.
– Как это? – удивился Гога.
– Так. Не буду, и все. Я в армию уйду! Мастер! – позвал он парикмахера.

Но парикмахеры продолжали пить чай, и оторвать их от этого серьезного занятия могло лишь землетрясение или футбольный матч «Нефтяника» с ереванской сборной.

– В какую армию? – сказал Гога. – Нам еще восемнадцати нет!

– Мастер! – снова нервно позвал Мурат.

– Зачем тебе стричься? – сказал Гога. – Мы только стриглись, перед экзаменами.

– Ара! Есть тут мастер или нет? – взорвался Мурат.

Один из парикмахеров допил чай, встал, подошел к креслу с Муратом.

– А, что кричишь? – сказал он. – Пожар?

– Пожар. Полчаса уже ждем.

– Пах-пах-пах! Полчаса! Как стричь будем?

– Наголо!

– Как наголо? – изумился Гога.

– Совсем наголо? – спросил парикмахер.

– Нет, пополам! – сказал Мурат.

– Зачем, Мурат? – сказал Гога.

– Ты хорошо подумал? – спросил парикмахер.

– Да! Подумал! – закричал Мурат в бешенстве. – Стриги,

ара! Стриги!

Парикмахер, пожав плечами, включил машинку для стрижки и пропахал ею первую широкую борозду в пышной шевелюре Мурата.

Военкому было не больше сорока. Поскрипывая хромыми офицерскими сапогами, он прошелся по кабинету, потом неожиданно срезал угол и сел на край своего письменного стола, доверительно сказал Мурату:

– Слушай, Расулов, не морочь мне голову. Раньше срока никто в армию не просится. На каком она месяце?

– Кто? – в недоумении сказал Мурат. Обритый наголо, он сидел на стуле перед письменным столом военкома, в руках комкал отцовскую кепку.

– Ну, кто-кто! Невеста твоя. На которой ты жениться не хочешь. Сколько ей осталось?

– До чего?

– Слушай, ты из себя мальчика не строй! – начал злиться военком. – Тут военкомат! Тебя в институт приняли? Приняли! Другие за это – знаешь? Последние штаны готовы... просидеть в библиотеке. А он – в армию! Ну! Только давай как мужчина с мужчиной. Ну?

– Что «ну»? – спросил Мурат в прежнем недоумении.

Военком встал, обошел вокруг стола и сел в свое кресло. Пристально посмотрел на Мурата.

– Слушай, а может, ты это? – Он покрутил пальцем у

виска, потом подвинул к себе папку с документами Мурата, полистал. Но документы были в порядке, и в медицинской справке во всех графах значилось «годен», «годен», «годен». Военком закрыл папку, снова поднял глаза на Мурата. – Значит, ты хочешь сказать, что у тебя с этой невестой ничего не было? Сколько ей лет?

– Шестнадцать.

– Шестнадцать! – заинтересовался военком. – Красивая?

Мурат пожал плечами:

– Ничего, наверно.

– Так в чем дело? – спросил военком.

– Ну... – сказал Мурат через силу. – Не люблю я ее.

– Так. И что?

– Ну и все.

– Как все? – удивился военком. – Ну, не любишь, ну и что? Сейчас не любишь, женишься – будешь любить, да! Красивая же!

– Не буду, – сказал Мурат.

– Откуда знаешь!

– Не буду. Знаю.

– Нет, ты мне не темни, не темни. Раз откровенный разговор – откровенный разговор. Ну, в чем дело?

– Ну, я другую люблю, – признался Мурат через силу.

Военком оживленно вскочил и вернулся на край своего письменного стола, поближе к Мурату.

– Вот! Вот теперь другое дело! Все ясно. На каком она

месяце?

– Кто? – не понял Мурат.

– Ну, другая, кто?! – нетерпеливо сказал военком.

– Замужем она, – хмуро сказал Мурат.

– Как?! – изумился военком. – Тебе еще восемнадцати нет, а ты уже любишь женщину, которая замужем?

– Ара, не люблю уже! – в отчаянии выкрикнул Мурат. – Не люблю! Ни ту не люблю, ни эту!

Военком некоторое время задумчиво смотрел на Мурата, потом сказал:

– Ну ты даешь! Вот молодежь пошла! Прыткие стали! Я замужнюю женщину первый раз знаешь когда полюбил? Ц-ц-ц! Смотрю на тебя – сколько я времени потерял!

– Пустите меня в армию! – попросил Мурат.

– Н-да... Запутался ты, Расулов, вот что я вижу. Но ничего! Ты еще молодой, правильно делаешь, что в армию идешь. Армия – это закалка. Эх, мне б твои годы! Я бы – и-эх! Но не огорчайся – настоящая любовь у тебя впереди! И не одна!

И он действительно ушел в армию. Неделю обивал пороги кабинетов военкомата, принес дюжину медицинских справок о здоровье, три характеристики из спортклуба «Динамо» и школы № 71, написал шесть заявлений и добился-таки своего – его взяли в армию на два месяца раньше срока.

Печатные машины, вращая огромными металлическими барабанами, швыряли на конвейеры кипы свежей газеты.

Вместе с этим потоком уходило время – день за днем, газета за газетой, номер за номером.

В тот вечер я дежурил по очередной своей небольшой статье, которая стояла на третьей полосе, и сидел внизу, в типографии, в комнате, отгороженной от типографского шума стеклянной стеной. Комната была большая, залитая, как и вся типография, светом неоновых ламп, за столами трудились над своими полосами такие же, как я, дежурные сотрудники редакции. Мы отыскивали на сырых еще полосах последние ошибки, впопыхах меняли заголовки и т. д.

Наконец без семи девять главный редактор подписал третью полосу в печать, мое дежурство закончилось. Я сказал своим коллегам привычное «до завтра» и пошел домой. Жил я тогда на квартире своего приятеля, уехавшего на полтора года в одну из южноафриканских стран в качестве корреспондента нашей газеты.

От редакции до его дома было шесть остановок троллейбусом, но сначала я зашел в гастроном, запасся холостяцким ужином – сыром, колбасой, пачкойпельменей, бутылкой кефира и батоном белого хлеба. Потом поехал домой. Лифта в доме у моего приятеля не было, я поднялся на третий этаж пешком.

На площадке третьего этажа перед дверью моей квартиры сидела на чемодане Соня. Прислонившись спиной к стене, она дремала – видимо, ждала меня давно.

Я удивленно остановился.

– Соня!

Потом она с любопытством оглядывала квартиру. Тут было на что посмотреть – мой приятель не раз бывал в командировках за рубежом, особенно в Африке, и в доме у него было полным-полно африканских масок, статуэток из черного дерева, диковинных цветов в горшках и кадках. И еще были четыре клетки с глухонемыми попугаями, драчливыми канарейками и ярко-розово-синей птицей, название которой я никогда не мог запомнить. У ног Сони терся старый ангорский кот Сидор.

– И надолго уехал хозяин? – спросила Соня.

– На полтора года, – сказал я.

– А когда он вернется, где ты будешь жить?

– Ну, найду себе что-нибудь другое...

– Но это, наверно, очень дорого. Сколько ты ему платишь?

– Ничего не плачу. Обычную квартплату.

– Врешь, – сказала Соня. – За такую квартиру...

– Почему «врешь»? Они же не могли все это бросить. Цветы, птицы, Сидор, наконец... – ответил я несколько нервно.

– А-а... – грустно протянула Соня. – Понятно. Ты тут поливаешь цветы...

– А ты надолго приехала? – перевел я разговор. – Разве сейчас каникулы?

– Я приехала насовсем, Петя. Я ушла от мужа.

– Как это? Почему? – оторопел я.

– Потому что он тупой. Тупой, понимаешь?

– Но ведь он тебя любит, ты сама писала.

– Мало ли что я писала! Я могу здесь пожить?

– Конечно! О чем ты спрашиваешь?! Соня, но как же так?

– Так, Петя, так... Не будем об этом... Ты служил в армии, а я жила там одна, совершенно одна... Он добрый человек, он всегда ходил со мной на могилу к нашим, а потом... сделал предложение, ну и... я ведь была совсем одна, понимаешь?

– Сонька! – сказал я и обнял ее и стал целовать эти печальные горькие глаза. И вдруг почувствовал – руками, которыми обнимал ее, – что она как бы оплывает, как бы оттаивает и все то, что, видимо, накопилось в ее одинокой душе за последнее время, вот-вот хлынет наружу слезами облегчения и муки. – Соня! – сказал я с болью.

И она заплакала. Она заплакала у меня на плече и стала порывисто, наобум целовать меня в шею, в глаза, в щеки, приговаривая:

– Петька! Петька! Петенька!!!

...Плакала ли когда-нибудь ваша родная сестра на вашем плече?..

– Сонь, перестань... Сонь, перестань, успокойся... Милая моя. Все. Все прошло. Ты будешь жить здесь. Мы будем вместе, слышишь? – Я гладил ее по голове и вдруг увидел в ее пышных волосах одинокий седой волос. – Что это, Соня?!

– Ерунда, – сказала она, вытирая слезы. – Ерунда. Почему

тебя не приняли в институт? Ты же прошел конкурс.

– Ну, не приняли и плевать, – сказал я. – Поступлю на вечерний. Поработаю в газете и поступлю. И вообще, на писателей не учат. Я начал прозу писать, Соня. В одном журнале обещают напечатать мой рассказ. Тогда я куплю тебе путевку, тебе нужно отдохнуть. А потом мы что-нибудь придумаем...

– Глупый, – сказала она. – Я уже все придумала, сама. Смотри. – Она достала из сумочки какое-то письмо. – Меня уже пригласили работать в Шатуру, в музыкальную школу. Это под Москвой, двести километров. Мы будем видеться каждое воскресенье. Мы теперь всегда будем вместе, хорошо? Нас ведь только двое осталось, Петя...

И как назло, именно в этот момент раздался звонок в прихожей.

– Кто это? – спросила Соня.

Я знал, кто это, но сделал вид, что не знаю, – пожал плечами и пошел открывать дверь. Конечно, это была Ирка.

– Привет, – сказала она, шагнув через порог. – Извини, я задержалась, столько народу в метро! Из театров, что ли, едут...

– Футбол сегодня, – сказал я.

Она сбросила пальто и тут увидела Сонин чемодан.

– Чей это? – сказала она.

– Идем, я познакомлю тебя с моей сестрой, – сказал я.

– А может быть, я... – Она потянулась к пальто, собираясь

уйти.

– Идем, – сказал я и провел ее в комнату. – Познакомься, Соня, это Ира.

Только женщины могут так коротко, одним взглядом охватить друг друга. Впрочем, они церемонно пожали друг другу руки, сказали «очень приятно». Ирка еще добавила:

– А вы очень похожи. Петя, можно тебя на минутку, по делу... Я ведь на бегу заскочила, я очень спешу... – И увела меня на кухню. Там, закрыв за собой дверь, она сказала: – Мог бы предупредить, я ехала через весь город.

– Я сам не знал. Она только приехала. Но не в этом дело. Ты можешь остаться.

– Еще чего?! Надолго она?

Я пожал плечами, сказал:

– Ириш, слушай. Мне нужны билеты – в филармонию, в театр, а до зарплаты еще неделя. А она уже год как нигде не была...

– Ясно, – прервала она и открыла сумочку. – Тридцать рублей. Если не хватит, я еще достану, у мамы...

Она протянула мне деньги.

– Ну, тридцать – это много... – замялся я.

– Возьми, – приказала она.

– Когда напечатают мой рассказ... – начал было я.

– Ладно тебе! – перебила она. – Рассказ! Если напечатают, я куплю тебе коньяк, а ты купишь себе костюм или пижамашинку.

– Спасибо, – сказал я, пряча деньги в карман, и протянул руку, чтобы открыть дверь из кухни.

Но Ирка удержала меня. Я вопросительно поглядел на нее.

– Идем, ведь неудобно, – сказал я.

Но она молча и ожидающе смотрела мне в глаза.

– Ты псих, – сказал я. – Ты просто псих.

– Ага, – сказала она и притянула меня к себе, обняла и поцеловала. Потом, прильнув ко мне всем телом, поцеловала еще и еще раз. И тихо сказала: – Петя, я останусь, а? Ведь тут две комнаты. Я люблю тебя, Петь...

– Ну не сегодня же, Ира. Ты сама понимаешь...

– Да, понимаю, я понимаю. Я просто дура... А я пойду с вами в театр?

– Конечно, – сказал я. – Идем, неудобно.

Мы вышли из кухни. Соня сидела на диване, опустив руки на колени и глядя в пол. У ног ее терся Сидор, но вряд ли она сейчас видела его.

Услышав наши шаги, она подняла на меня далекие печальные глаза. Но я почему-то отвел свой взгляд, мне было неловко сейчас встречаться с Сониными глазами.

Пять дней в неделю она учила шатурских ребятишек музыке, а на шестой садилась в электричку и ехала в Москву, ко мне. Гаммы, многоголосые фортепианные гаммы летели вслед за поездом. Соня везла их в себе, и еще она везла мне

смешные и грустные рассказы о своих маленьких учениках. Это были забавные истории, они вполне могли бы продолжить знаменитую книжку Чуковского «От двух до пяти» — среди пятнадцати Сониных учеников было трое семилетних проказников и проказниц, одаренных музыкальным слухом, и каждый раз Соня привозила с собой новости об их детских выходках, смешных словечках, трогательных и дерзких поступках...

В этих ее рассказах я улавливал скрытую Сонькину тоску по собственным детям, я чувствовал, что там, в своей музыкальной школе, она в течение этой рабочей недели — с понедельника до пятницы — не только учит детей гаммам по учебнику Черни, но отдает им весь запас ласки и доброты своего уже взрослого и одинокого сердца. А в субботу она садится в электричку и едет ко мне, и гаммы, фортепианные гаммы Черни еще звучат в ней, еще бегут следом за ней и за поездом и галками сидят вдоль дороги на телеграфных проводах...

В ту субботу она тоже ехала в Москву.

Она сидела у окна, заснеженные поля Подмосковья плыли навстречу поезду, а потом их заслонил какой-то грузовой состав, догнавший электричку. На платформах грузового состава были укрытые брезентом армейские тягачи и гаубицы, и на каждой из этих платформ сидело по солдату сопровождения — они были в полушубках и прятались от встречного ветра за станинами гаубиц или в кабинах вездеходов.

Состав стал обгонять электричку. Соня опустила глаза к книге.

– Сумасшедший! Он же убьется! – вдруг громко сказала женщина, сидевшая рядом с Соней.

Соня удивленно взглянула на нее, потом – проследив за ее взглядом – посмотрела в окно.

По платформе воинского эшелона, обгоняющего их электричку, размахивая руками и что-то крича, бежал солдат. Он бежал назад, к концу платформы, потом перескочил на следующую и оказался напротив окон Сониного вагона. И она увидела, кто это. Это был Мурат.

Воинский состав вдруг сбавил скорость (или, наоборот, электричка пошла быстрее), но так или иначе – грузовая платформа с Муратом вдруг стала отставать. На ней, подавшись всем телом вперед, стоял Мурат, безмолвно смотрел на Соню.

А она смотрела на него, ничего еще не соображая, не понимая, как он тут оказался. Они видели друг друга какую-то секунду-две, а потом воинский эшелон стал отставать, и Сонин вагон унес ее от Мурата.

По платформам, перебираясь через тамбуры и буферные сцепления, на платформу Мурата пришел старшина.

– Расулов, – сказал он. – За самовольную отлучку с боевого поста – два наряда вне очереди.

– Хорошо, – сказал Мурат, сидя на станине гаубицы и гля-

дя вслед укатившей электричке.

– Что хорошо? – разозлился старшина. – Как отвечаешь?

– Есть два наряда вне очереди, – безразлично сказал Мурат, не отрывая взгляда от клубящегося за хвостом электрички снега.

Старшина сел рядом с ним на станину, спросил:

– Ты кого там увидел?

– Никого... – пусто ответил Мурат. Он уже не видел электричку, она скрылась за поворотом, а воинский эшелон плелся еле-еле, ожидая, видимо, зеленого светофора.

– Чокнутый ты, что ли? – сказал старшина.

– Ага, – сказал Мурат.

Тут по их составу пронеслась судорога резкого рывка – наверно, их составу дали зеленый и машинисты перевели контроллер на «полный вперед». Состав стал набирать скорость.

Мурат грустно глядел на замелькавшие рядом домишки приближающейся станции.

Воинский состав подошел к станции на полной скорости и, не сбавляя ее, мчался дальше, без остановки.

И вдруг на пустом перроне Мурат увидел Соню.

Она стояла одна, одна на пустом заснеженном перроне, мимо нее мчался громыхающий воинский состав.

– Соня! – заорал Мурат, срываясь с места. – Соня!

Она увидела его, но в то же мгновение его платформа промчалась мимо.

Старшина успел схватить Мурата за рукав полушубка, но

Мурат вырвался, побежал по платформе назад, перескочил на следующую платформу и помчался по ней, огибая орудия и крича:

– Соня!!! Соня!!!

Где-то на третьей или четвертой платформе солдаты все же схватили его, повисли на этом обезумевшем мальчишке.

– Соня!!! – Он рвался у них из рук и вдруг, сорвав с головы шапку, бросил ее на проносившийся возле платформы перрон.

Таким она и запомнила его – уносящимся на воинской платформе, с непокрытой головой, два солдата держат его за плечи.

Эшелон пролетел мимо перрона, подняв за собой снежную порошу. Соня медленно прошла к концу перрона, подняла шапку-ушанку, осыпанную снегом. Шапка была еще теплой. На тыльной стороне, под козырьком, была надпись химическим карандашом: «Расулов М.».

И снова был август. И ветер мел по горячим московским тротуарам белый тополиный пух. И ветер странствий, ветер летних командировок приносил в нашу молодежную редакцию горячий темп ударных строек, жаркие будни студенческих строительных отрядов и страдной поры у молодых колхозников. Эти вести стекались к нам отовсюду – из гудящей перфораторами и комариным звоном Якутии, из виноградной Молдавии, с хлопковых полей Узбекистана, с нефтяной

целины Тюмени и Томска, с высокогорных строек Киргизии, от хлеборобов Алтая и даже с Дальнего Востока, со строительства Билибинской ГЭС. Всюду трудились мощные студенческие отряды – москвичи в Якутии и Голодной степи Туркмении и Узбекистана, белорусы и грузины – в Норильске и на Урале, эстонцы и свердловчане – на Кубани, молдаване и ленинградцы – в Азербайджане, на строительстве нового города-спутника Алунит.

И по всем этим стройкам летали, ездили, колесили корреспонденты нашей молодежной газеты и я, ваш покорный слуга и «ваш корреспондент».

А потом в Москве, по вечерам, когда спадала жара за распахнутыми окнами редакции и остывала горячка трудового лихорадочного дня, мы сидели в редакционном буфете, пили кофе с минеральной водой. Мы – это сотрудники редакции, молодежь, загоревшая в дальних и близких командировках. Мы пили кофе с минеральной водой и обменивались новостями и целинными сплетнями.

В буфет пришла секретарша нашего отдела Катюша.

– Петя, – сказала она мне, становясь в очередь за кофе. – Тебя там какой-то солдат ждет.

– Где – там? – спросил я.

– Ну, у нас в отделе.

– А почему он *меня* ждет? – спросил я с апломбом недавно утвержденного старшего литературного сотрудника. – Армией у нас занимается Елисеева. Надо было отправить его

к ней.

– Я так и сделала, – ответила она с обидой молодой секретарши. – Но он хочет поговорить с тобой.

– Ну что ж... – сказал я. – Тогда пусть подождет, у меня перерыв, и вообще я еще в командировке...

И продолжил беседу с приятелями.

Мурат сидел в нашем отделе, комкая в коленях пилотку. На его гимнастерке было несколько значков, среди них красный ромбик отличника боевой и политической подготовки. Впрочем, иначе он бы и не получил этот отпуск...

Я узнал его сразу, хотя он очень повзрослел, раздался в плечах и подстрижен был под короткий солдатский ежик. Вот только не вырос он за это время – ну разве что на пару сантиметров...

– Ты? – удивился я. – Здравствуй.

– Здравствуй. – Он встал, пожал мне руку.

– Сиди, – сказал я, – ты что вскакиваешь? Ну, как служба?

– У меня отпуск, – сказал он серьезно, не принимая легкости моего тона в разговоре. – Я приехал узнать, где Соня.

Заведующая нашим отделом Кира Борисовна, три сотрудницы и секретарша Катюша с любопытством оторвались от своих дел, поглядели на нас с ним.

А я еще не знал тогда всех перипетий истории Мурата и Сони и в затруднении замялся.

– Ну... – сказал я. – Вообще-то она под Москвой...

– Одна? – спросил он.

– Ты садись, – сказал я, стараясь перейти на другую тему и не зная, нужно ли говорить ему Сонин адрес и вообще как мне себя с ним вести. – Расскажи, где служишь, что, как?

Но он продолжал стоять. Он понял мою нерешительность по-своему, и черные угли его глаз уже стали наливаться горячей кавказской кровью, и, когда он заговорил, голос его запульсировал кавказским акцентом.

– Петя, – сказал он, разгорячившись. – Ведь у вас молодежная газета, да? Я читал твои статьи – ты тоже пишешь про молодежь, про дружбу народов пишешь, да? Пускай мои родители отсталые люди, но вы тут тоже отсталые люди, да? Я люблю ее, понимаешь, люблю! Твою сестру – люблю! Она старше меня, она русская, а я не русский – ну и что? Ты тоже будешь мне мешать, да?

Надо было видеть, с каким удивлением и любопытством глядели на нас заведующая нашим отделом Кира Борисовна, три сотрудницы и секретарша Катюша.

– Успокойся, ты что, псих... – Я снял телефонную трубку черного внутриредакционного телефона, сказал телефонистке: – Мария Степановна, дайте мне Шатуру, музыкальную школу, по срочному...

– С сестрой говорить? – ответила телефонистка. – Ты же знаешь, неслужебные разговоры запрещены...

Заведующая нашим отделом Кира Борисовна сняла трубку с параллельного аппарата, сказала:

– Маша, соедини его с Шатурой, это очень важно. – Она положила трубку, сказала Мурату: – Вы садитесь, не нервничайте. Катя, у нас есть чай? Товарищ с дороги...

– Сейчас... – сорвалась с места секретарша и, стрельнув глазами в Мурата, убежала в буфет. Пронзительно зазвонил телефон. Я снял трубку.

– Даю Шатуру, – недовольным тоном сказала мне телефонистка Марья Степановна. – Говори с сестрой. Ну, говори же, чего ты?

– Соня... – произнес я и умолк, видя, как Мурат просто впился взглядом в телефонную трубку.

А из трубки уже звучал обеспокоенный Сонин голос:

– Петя! Петя, что случилось? Петя?..

Я протянул трубку Мурату, он буквально выхватил ее.

– Соня! – крикнул он, и голос его осекся. – Соня, это я, Мурат. Соня, ты слышишь? Соня!..

– Слышу... – тихо ответила Соня.

– Соня, я приеду, я сейчас приеду, ладно? – лихорадочно говорил он. – У меня отпуск, я приеду сейчас, это я от Пети говорю, из редакции, хорошо? Соня!

– Я слышу, Мурат, слышу...

Мне показалось, что я вижу сейчас Сонино лицо, ее вот-вот готовые заплакать глаза...

– Ну, до свидания, да? До свидания? Я поехал уже, я уже поехал... Соня!

– До свидания, – тихо сказала Соня.

Но у него не было сил положить трубку, прервать разговор, и он, протянув трубку к аппарату, словно боялся опустить ее на рычаг. Я взял трубку у него из руки.

– Соня, – сказал я в трубку.

– Петя, я пошла на урок, – сказала мне сестра.

– Иди, – сказал я и положил трубку.

– Спасибо, – сказал мне Мурат. И тут же повернулся к Кире Борисовне: – Спасибо! До свидания!

– Постой, – улыбнулся я и стал писать на листке Сонин адрес. – Возьми ее адрес... Слушай, ты же не успеешь на электричку. – Я поглядел на часы. – Последняя через шесть минут отходит. Может, переночуешь у меня, а утром...

– Ты что?! – сказал он возмущенно, выхватил у меня Сонин адрес и ринулся к двери. – До свидания!

Навстречу ему Катюша внесла на подносе – достала же где-то поднос! – чай и печенье.

– А чай? – сказала она ему растерянно.

– Спасибо, спасибо, извините... – ответил он ей и умчался.

Катя с сожалением посмотрела на захлопнувшуюся за ним дверь и вздохнула.

– Нет, не успеет он, – сказал я, глядя на часы.

Как он за эти шесть минут добрался до вокзала, я не знаю. Может быть, он, выскочив из вагона метро, мчался вверх по эскалатору, расталкивая других пассажиров?.. Может быть,

громыхая армейскими ботинками по гулким подземным переходам, он летел к перрону Казанского вокзала, как третий брат братьев Знаменских? Может быть, он бежал, как тогда, три года назад бежал в филармонию? Не знаю...

Но на электричку он все-таки опоздал. Она отошла от платформы, когда он выскочил на перрон, и он, пробуя догнать ее, бежал по перрону за последним вагоном. Но, добежав до конца платформы, он понял, что, конечно, ему уже не догнать эту электричку. Сила инерции, взятая при беге скорость пронесли его дальше – он не удержался на краю платформы и прыгнул вниз. И только тут пришел в себя. Оглянулся. В стороне, через несколько путей отходил грузовой состав с кирпичом. Он ринулся туда. Состав уходил в ту же сторону, куда ушла шатурская электричка, и он, не раздумывая, вскочил на подножку грузовой платформы.

Он добрался до Шатуры на рассвете, в четыре утра. Грязный, весь в кирпичной и угольной пыли, он позвонил в дверь Сониной квартиры.

Соня открыла почти тотчас, она была в халате, но гладко причесана, и глаза не были заспаны – она ждала его.

Они стояли в дверях и молча смотрели друг другу в глаза. Да им и не нужно было слов.

Горячая вода тугой струей била в переполненную пеной ванну. Мурат сидел в воде и пене, зажмурив глаза от мы-

ла. Соня, закатав до локтей рукава халата, мыла ему голову. Темные ручейки грязной воды стекали с его головы и исчезали в пене.

– Щиплет, Сонь! – умоляюще говорил Мурат. – Жжет!

– Тихо, соседи спят... – Она полила ему голову из душа. – Терпи.

Потом губкой стала тереть ему плечи, спину.

– Щекотно, Сонька!

– Сиди смирно! Маленький ты, что ли?

– Ага, – сказал он. – Конечно, маленький. Ты сама говорила.

И он с улыбкой повернул к ней голову, посмотрел ей в глаза.

Но она хозяйски отвернула его голову от себя, продолжала мыть его и тереть. Можно было подумать, что она купает сейчас не мужа своего, а ребенка.

Под мышкой у Мурата был рубец. Соня осторожно обвела вокруг него губкой.

– Это ты тогда? С поезда? Ты ведь мог насмерть убиться, глупый...

– Вот еще! – сказал он. – И вообще ничего не было, стал бы я из-за тебя под поезд кидаться! Нужно очень!

Соня улыбнулась и наклонилась над ванной, мягко прикоснулась губами к этому шраму.

– Ой! – как от щекотки, вздрогнул Мурат и вдруг, схватив Соньку обеими руками, опрокинул ее – всю – в ванну.

Сонька испуганно взвизгнула, пена и брызги разлетелись в стороны.

Сейчас они живут в Алуните – молодом городе в сорока километрах от нашей родной Бондарной улицы. Этот город моложе и Сони, и Мурата и чуть старше их трехлетнего сына Тимура.

Вчера я получил от Сони и Мурата очередное письмо с очередным фото своего племянника Тимура. Я не стал бы рассказывать вам содержание этого письма, ведь история Мурата и Сони закончилась, – если бы в письме не было одной любопытной детали.

Как всегда, по субботам и воскресеньям к Мурату и Соне приезжают родители Мурата – дедушка и бабушка Тимура.

Но в прошлое воскресенье бабушка поехала в Алунит одна, отец Мурата по каким-то делам остался в городе.

С пустой кошелкой бабушка прошла по тихой улице имени русско-украинского писателя Гоголя, свернула на Красноармейскую и миновала нашу Бондарную улицу, где по-прежнему черные кирпичики варили кир, но почему-то уже никто не играл в футбол.

А через час бабушка сошла с автобуса в Алуните, и тяжелая кошелка с зеленью и фруктами оттягивала ей руку, как когда-то оттягивала руку нашей маме. Сойдя с автобуса, бабушка пересекла Октябрьскую площадь, полную молодыми загорелыми лицами и детскими колясками. Из-за тяжести

своей кошелки бабушка двигалась медленно, успевая взглянуть в лица этой молодежи. Молодые отцы самых разных национальностей – азербайджанцы, русские, грузины, лезгины, украинцы, армяне, татары, латыши катили ей навстречу коляски с детьми, гуляли компаниями и под руку со своими невестами и девушками – латышками, татарками, азербайджанками, русскими. Бабушка переждала троллейбус, свернула на улицу Ленина и углубилась в зеленые и просторные дворы пятиэтажных домов.

А в это время где-то поодаль от бабушки, во дворе нового дома под распахнутыми окнами чьих-то квартир три малыша в возрасте от трех до пяти лет неумело пробовали играть в футбол. Один из них – трехлетний Тимур – неловко поддел ногой разноцветный мяч и угодил им в открытое на первом этаже окно.

В окне появилась светловолосая шестилетняя девочка.

– Хулиганы, – сказала она малышам совсем по-взрослому.

– Кинь мячик, – попросили ее малыши.

– Не-а, – сказала девочка и ушла от окна.

Малыши подтащили к ее окну какой-то ящик, Тимур взобрался на него и попробовал дотянуться до подоконника.

И именно в этот момент во двор вошла бабушка.

Ни слова не говоря, бросив кошелку, она побежала к своему внуку.

И зеленый двор огласился ревом малыша.

На третьем этаже в окне своей квартиры появились обес-

покоенные Мурат и Соня. Руки у Сони были в тесте, Мурат брился.

То, что они увидели внизу, заставило их улыбнуться и посмотреть друг на друга.

Там, внизу, под чьим-то окном стоял на ящике Тимур, ручки его держались за подоконник этого окна, а бабушка, мать Мурата, шлепала своего внука по мягкому месту.

В окно, за которое держался Тимур, выглянула светлорылая шестилетняя девочка и назидательно сказала Тимуру: – Ага, получил?!

Впрочем, это маленькое событие – из ряда тех историй, которые рассказывают родители о своих маленьких детях своим друзьям и знакомым. А для всех остальных это уже, наверно, не так интересно...

Москва, 1972 год

Постскриптум 2001 года: В основе этой повести – история моей родной сестры. Боже мой! – такая давняя, а я все получаю письма от читателей, которые доверительно пишут мне на «ты»: «Моей любимой книгой из твоих работ является «Игра в кино». Такое чувство, будто ты сидел передо мной и рассказывал – где надо, оправдывался, ликовал, ненавидел... .. Ой, еще один вопрос забыла: как и где сейчас живет твоя сестра? Мне жутко интересно! Не посчитай это подглядыванием в замочную скважину, во мне говорит

чисто женское любопытство. И вообще, мне будет очень лестно, если ты ответишь мне своим личным письмом... ..»

Отвечаю личным письмом.

Дорогая Таня! Честно говоря, поначалу, когда, открывая очередное письмо, я находил в нем это амигошонское «ты», меня оно задевало. Я думал: блин, а Аксенову они бы написали «Дорогой Вася!»? Или Радзинскому: «Здравствуй, Эдик! Знаешь, хотя в своих произведениях ты называешь моих ровесниц юными девушками, я все равно решила писать тебе на «ты»...».

Но теперь я к этому «ты» как-то привык и даже догадался, что им можно гордиться, что это – проявление моей близости к читателю – близости вопреки тому, что я живу в США, а они – в Челябинске, Ташкенте или на Украине. Поэтому шут с вами, пишите и на «ты»... ..

А по поводу сестры... .. Что ж, вот коротко. Любовь с первого взгляда не выдержала проверку временем и эмиграцией. Сестра живет в Израиле, где после многих мытарств нашла, слава Богу, новую любовь. Ее дочь, моя племянница и единственный милый результат той кавказско-юношеской любви с первого взгляда, живет в США с мужем и двумя прелестными дочками. Сестра регулярно летает к ним в гости.

ВЛЮБЛЕННЫЙ БИСМАРК

– Хороший разведчик не может не любить страну, против которой он работает, – сказал мне бывший полковник ГРУ после третьего стакана виски с содовой. – Да, пусть вам это покажется парадоксом, но подумайте: в разведшколе вас с утра до ночи учат углубленному знанию языка, культуры и обычаев страны вашего будущего обитания. Так? В моем случае это, сами понимаете, Гейне, Гете, Шиллер, Ремарк, Цвейг и даже братья Гримм. Бетховен, Вагнер, Бах, Гендель, Штраус. Ну и так далее. И как после этого не любить Германию? Как не любить немецкую архитектуру, баварское пиво, сосиски с капустой и мозельское вино? Особенно если вы приезжаете в Германию из голодного Советского Союза с нашими талонами на мясо и даже на сахар! Я приехал в Мюнхен под крышей АПН и, как корреспондент Агентства, имел полную – ну, или почти полную – свободу действий и передвижений. Конечно, в ФРГ все, кому было нужно, знали, кто я и что я. Ну и что? Я не ездил с фотоаппаратом по аэродромам, не выискивал американские базы и секретные заводы. Немецкие журналисты – и левые, и правые – делали эту работу за нас, и все, что нам было нужно знать, можно было найти в их газетах. И потому я каждый день с утра отправлялся в Мюнхенскую городскую библиотеку, которая получала все – понимаете, абсолютно все! – фээргэшные газеты. Даже из

каких-нибудь крохотных городков... Ну вот... Плесните мне еще, мы подходим к главному. Спасибо... Виски – это единственное, что умеют делать американцы. В следующий раз, когда вы будете лететь из Штатов, захватите бутылку бурбона, настоящего, из Кентукки. Обещаете? Замечательно. Тогда слушайте.

Как-то я, обложившись газетами, сидел в библиотеке, а за соседним столом сидела очень даже симпатичная немочка с какой-то тоненькой книжонкой в руках. Конечно, если бы это было в Москве, в Ленинке или в любой другой библиотеке, то вы понимаете... Но у немцев не принято кадриться вот так, внаглую, как у нас. К тому же при моей работе вы никогда не знаете – это случайная рядом с вами блондинка или подсадная утка. И потому я сдержал себя, и только когда она ушла в туалет или в буфет, а книжку оставила на столе, я посмотрел, что же она читает. Представьте себе, это были письма Отто Вильгельма Бисмарка княгине Екатерине Орловой – тоненькая книжонка, изданная Николаем Орловым, внуком этой княгини, в 1935 году буквально крошечным тиражом!

Ладно, налейте мне еще, потому что Бисмарк – это моя страсть, и как только я начинаю говорить о нем, у меня появляется жажда и волнение. Да, хотите – верьте, хотите – нет, но я человек сдержанный и закрытый, в нас это воспитывали и в школе, и в конторе. Но Бисмарк! Знаете ли вы, что такое Бисмарк для Германии? Не **кто** такой Бисмарк, а именно

что такое Бисмарк? Это практически немецкий Владимир Ясно Солнышко, Иван Калита, Александр Невский и Петр Первый в одном лице. Короче говоря, это создатель Германии. Потому что до него никакой Германии не было вообще, а были какие-то разрозненные и даже враждующие друг с другом немецкие княжества, с которыми в Европе никто не считался. А он... За каких-нибудь 15–16 лет он из этих бюргерских княжеств создал самое мощное в Европе государство, практически первую в Европе сверхдержаву! Но стоп! Остановите меня! Потому что, если я начну говорить о Бисмарке, это превратится в лекцию, мы никогда не дойдем до главного, до того, что вам хочу рассказать. Там еще осталось виски? Очень хорошо, спасибо... Итак, забудем эту немочку в Мюнхенской библиотеке, не в ней дело. А дело в Бисмарке и Екатерине Орловой. Кто сегодня знает, что главной женщиной жизни Бисмарка была русская княжна? Что это был роман века трагичней «Анны Карениной»? Что все свои политические и дипломатические победы Бисмарк посвящал ей и складывал к ее ногам? Что великим Тройственным союзом наша страна обязана не кому-нибудь – и, уж конечно, не Горчакову, – а именно любви и даже страсти пятидесятилетнего Бисмарка к юной Кэти Орловой-Трубецкой? Никто не знает об этом! Потому что больше ста лет, то есть со времен Первой мировой войны, и немецкие, и российские историки прятали эту любовь от публики, заматали ее под ковер. Да, немцам было невыгодно афишировать и призна-

вать, что их Железный канцлер и создатель Германии шестнадцать лет был по уши влюблен в русскую княгиню и завещал им, немцам, никогда не воевать с Россией. А советским историкам, как вы понимаете, не было никакого дела до романа юной русской княгини и создателя Германии.

Но теперь, когда наши страны восстанавливают дружбу, когда, я уверен, именно Бисмарк, а не Сталина, как думают некоторые, Путин считает образцом государственного деятеля, сегодня именно вы, писатель, должны рассказать миру об этой замечательной истории! Напишите повесть, сделайте фильм! А сюжет... Его даже придумывать не нужно! Налейте мне остаток виски, и я вам расскажу, причем расскажу только факты, только исторические факты!

Спасибо... Итак...

Весной 1862 года Отто Бисмарк, посланник Пруссии в России, был отозван прусским королем Вильгельмом из Петербурга и отправлен в Париж с миссией познакомиться с Наполеоном Третьим и его двором. На самом деле то была полуссылка – Вильгельм, воюя со своим либеральным и почти социалистическим парламентом, который урезал его власть и толкал к отречению от престола, крайне нуждался в Железном канцлере, но, с другой стороны, именно из-за «железного» характера Бисмарка панически боялся назначить его канцлером и облечь полнотой государственной власти.

В ожидании своей судьбы Бисмарк путешествовал по Ев-

ропе и предавался хандре. «Мои вещи все еще в Петербурге и там замерзнут, – жаловался он в письмах, – мои лошади – в деревне под Берлином, моя семья в Померании, а сам я – на проселочной дороге...»

Под «проселочной дорогой» Бисмарк подразумевал, конечно, свое неучастие в европейской политике.

Так прошло несколько месяцев – король, даже отступая перед парламентом, все еще не решался отдать Бисмарку пост главы правительства. И чтобы вконец не заболеть и не раскиснуть от безделья, Бисмарк отправился на юг Франции, на модный курорт Биарриц.

7 августа в тот же Биарриц, в отель «Европа», где Бисмарк поселился всего на три дня, прибыл 30-летний князь Николай Орлов, русский посланник в Брюсселе. Бисмарк знал его еще по Петербургу. Сын знаменитого царедворца Алексея Орлова и племянник декабриста Михаила Орлова, принявшего в 1814 году капитуляцию Парижа, князь Николай Орлов и сам прославился в России, как герой Крымской войны, кавалер золотого георгиевского оружия и других высших наград империи. Блестящий генерал, он при штурме турецкой крепости Силистрия получил 9 ран и лишился левого глаза...

В Биарриц князь Орлов прибыл со своей 22-летней женой Екатериной, на которой женился меньше года назад. Урожденная Трубецкая, она получила образование во Франции и была ошеломляюще прелестна. Во всяком случае, 47-летний

Бисмарк влюбился в нее, как мальчишка. И, позабыв о своем короле, Пруссии и европейской политике, целых пять недель не отходил от Орловой ни на шаг.

«Я покрылся морской солью и загаром... — писал он жене, — и у меня такое чувство, будто мне только крыльев не хватает, чтобы взлететь... Ко мне возвращается моя прежняя бодрость...»

Уже добрый десяток лет, замечает биограф Бисмарка Эмиль Людвиг, Бисмарк не был так счастлив. Но при этом, как истинно честный немец, он ежедневно изливал в письмах жене свое восхищение Екатериной Орловой: «Укрывшись от людских глаз за скалами, поросшими цветущим вереском, я смотрю на море, зеленое и белое от пены и солнца; со мною прелестнейшая из женщин, которую ты очень полюбишь, когда узнаешь поближе. Она оригинальна, весела, умна и любезна, красива и молода... Рядом с ней я до смешного здоров и счастлив, настолько, насколько могу быть счастлив вдали от вас, моих дорогих».

Заметим в скобках, что последние слова написаны так, словно автор вовремя спохватился. Впрочем, спохватился ненадолго — тот же Людвиг сообщает: из-за этой русской красавицы Бисмарк позабыл не только о политике, но даже о годовщине своей свадьбы! И это *«железный» Бисмарк* — самый предусмотрительный, обстоятельный и гениальный немец всех времен (и народов)!

«Очаровательная русская женщина вечерами играет ему

возле открытого окна, над морем, его любимые вещи Бетховена и Шопена», – пишет Людвиг.

«В свои 22 года, – сообщает и Алан Палмер, еще один биограф Бисмарка, – она была исключительно красива, изящная блондинка с высокими славянскими скулами, и Бисмарк влюбился в нее, признавшись в этом в письме к сестре». Между ними возникли сентиментальные платонические отношения: Бисмарк называл ее «Кэти», а она звала его «дядюшка». Князь Орлов снисходительно взирал на эту дружбу... В течение пяти недель Кэти Орлова была для Бисмарка смыслом жизни и сутью его существования. «Я совершенно забыл о политике и не читаю больше газет, – писал он жене. – Как я надеюсь на то, что меня так и не затребуют в Берлин!...»

«Очень странное письмо пишет муж своей жене со скал над Биаррицем, – замечает на это Палмер. – Но оно покажется еще более странным, если вспомнить, что его пишет человек, стремившийся в течение пятнадцати лет к вершинам политической власти и знающий, что цель уже совсем близка...»

Действительно, именно в это время в Берлине конфликт короля и парламента обостряется до кризиса, и Бисмарк, конечно, знает об этом если не из газет, которых он якобы не читает, то от Николая Орлова, профессионального европейского дипломата и посланца русского императора. И чем жестче разгорается война короля и прусского ландтага, тем вероятнее назначение Бисмарка канцлером, поскольку,

по мнению окружавших короля советников, только Бисмарк способен укротить разгулявшихся немецких либералов и социалистов.

Однако 1 сентября, когда Орловы отправились из Биаррица в путешествие по югу Франции, Бисмарк вместо того, чтобы мчаться в Берлин спасать короля или хотя бы в Париж к исполнению своих обязанностей прусского посланника, – вместо всего этого Бисмарк увязался за Кэти. И во время их путешествия по Провансу произошло примечательное событие. Согласно официальной версии, в горах, карабкаясь вместе с Кэти по римскому виадуку в Понт-дю-Гарэ, он увидел, как Кэти оступилась на «живом» камне и заколебалась на краю обрыва. «В ту же секунду, – пишет Бисмарк жене, – я быстро шагнул к княгине и, обхватив ее одной рукой, спрыгнул в канал глубиной в пять футов».

Как реагировала на эти письма Иоганна, жена Бисмарка, где был князь Орлов во время приключений Кэти с Бисмарком то среди скал, «поросших цветущим вереском», то в горах Понт-дю-Гарэ, и как легко рассыпается при аналитическом разборе официальная версия с «живым» камнем, на котором якобы оступилась Кэти, – это мы оставим для домыслов. Зато достоверно известно, что именно в этот день, 13 сентября, в Берлине военный министр снова пытался склонить Вильгельма доверить Бисмарку высокую должность главы правительства и укротителя социалистического парламента. «Нет, он настроен в пользу союза с Франци-

ей, на что я никогда не соглашусь!» – ответил министру король, которому Бисмарк пару месяцев назад сообщил о своих встречах с Наполеоном Третьем.

«Однако, – пишет Палмер, – в тот момент мысли Бисмарка меньше всего были заняты альянсом с Францией. В субботу, 14 сентября (то есть наавтра после того, как Кэти в объятиях Бисмарка свалилась в горный канал) Орловы расстались с Бисмарком. Они поехали в Женеву, а он отправился на север, в Париж. На прощание Кэти подарила Бисмарку агатовый брелок, который оставался на часовой цепочке Бисмарка до конца его дней, и сорвала для него веточку оливкового дерева, которую он положил в портсигар...»

Гм, обратите внимание, это оч-чень интересно! Даже од-ноглазый князь прозрел и решил наконец увезти жену от Бисмарка и его «спасительных объятий». А она перед разлукой с этим «спасителем» дарит ему веточку того дерева, которыми поросли горы Понт-дю-Гарэ. Но биографы Бисмарка и в этом не видят ничего, кроме невинного прощального подарка. Вообще попытки этих биографов либо умолчать о романе Бисмарка с русской красавицей, либо представить его мимолетным и чисто платоническим увлечением выглядят, прямо скажем, весьма неуклюже. Бисмарк, за которым еще смолodu укрепилась репутация плейбоя, завоеванная им в 28 дуэлях, Бисмарк, который укротил германских социалистов и из враждующих немецких княжеств создал единую и могучую Германскую империю, Бисмарк, который четверть

века манипулировал всеми европейскими монархами, включая германского и французского императоров и британского короля, – этот самый Бисмарк, по их мнению (основанному лишь на письмах самого Бисмарка к его жене Иоганне), пять недель «безуспешно, как школяр», волочился за 22-летней женой инвалида Крымской войны!.. Господи, да неужели ради того, чтобы биографам стало ясно то, что стало очевидным даже одноглазому Орлову, Бисмарк должен был сообщить жене истинные подробности того, как и почему он и Кэти в обнимку свалились в канал?

Впрочем, стоп! Там больше не осталось виски? Я излагаю вам только достоверные факты. Так вот, именно в эти дни в Берлине война между королем и ландтагом достигла своей высшей точки. Депутаты-социалисты поставили Вильгельму ультиматум: либо он соглашается на сокращение прусской армии, либо парламент вообще не утвердит его военный бюджет.

Зная, что только Бисмарк способен укротить этих социалистов, прусский министр иностранных дел посылает Бисмарку телеграмму с приказом немедленно явиться в Берлин для встречи с королем. Но телеграмма не застаёт Бисмарка в Париже – Бисмарк еще намеренно умчался из Парижа в Фонтенблo навестить Кэти в ее родовом поместье князей Трубецких.

Ну как тут не обратить внимание на то, что просто само бросается в глаза! Бисмарк и Кэти расстались в Авиньоне

всего неделю назад, но Кэти тут же оставила мужа-дипломата в Женеве, а сама поездом и на лошадях прикатила в Фонтенбло, который рядом с Парижем, где служит Бисмарк. То есть не только Бисмарк преследовал Кэти, но и она рвалась к нему! Однако и это их свидание биографы Бисмарка подают совершенно очаровательно: «Он поехал в Фонтенбло, чтобы засвидетельствовать свое почтение княгине Трубецкой и воочию увидеть леса и парки, среди которых росла Кэти, превращаясь в красивую женщину». Вот уж воистину «святая простота»! 47-летний Бисмарк, позабыв обо всем на свете, включая свои обязанности посла и судьбу своего короля, мчится к 22-летней княгине, которая была «исключительно красива, изящная блондинка с высокими славянскими скулами», чтобы *«засвидетельствовать ей свое почтение»*. Интересно, как именно он это почтение свидетельствовал, и осталась ли Кэти этим свидетельством довольна?..

Однако будем сдержанны в своих догадках и вернемся к фактам.

Кульминация войны Вильгельма с ландтагом настала 17 и 18 сентября, когда его министр финансов и министр иностранных дел подали в отставку, а сам Вильгельм уже готовился отречься от престола. Именно в этот день, 18 сентября, Роон, друг Бисмарка и советник Вильгельма, послал Бисмарку знаменитую телеграмму: «Промедление опасно! Спешите!»

Телеграмма поступила в прусское посольство в Париже

утром 18 сентября, но даже она не сразу отрезвила Бисмарка и не в тот же день оторвала его от выражений его «почтительности» 22-летней княгине. Только 19 сентября Бисмарк сел в дневной поезд, который увез его в Берлин навстречу его миссии собирателя немецкой нации в великую Германскую империю...

Извините, мне нужна пауза... Если вам не трудно, пожалуйста, закажите еще немного виски... Спасибо...

Да, к сожалению, немецкие биографы Бисмарка старательно умалчивают подробности 15-летнего романа железного Бисмарка с его русской возлюбленной. Но совершенно очевидно и доказано опубликованными письмами Бисмарка к его жене, сестре и самой Екатерине Орловой-Трубецкой, что Кэти была последней и самой яркой любовью Отто Бисмарка, тем, что называется «женщиной жизни». Не подлежит сомнению и тот факт, что когда Кэти с мужем или без него приезжала в Биарриц, как Бисмарк, бросая любые государственные дела, мчался туда на весь срок ее пребывания там, переносил туда все свои дипломатические встречи и даже перевозил туда из Берлина свою канцелярию. А когда однажды Бисмарк вместе со всем своим правительством примчался в Биарриц и притащил туда свою жену, а Кэти от поездки в Биарриц отказалась, то Бисмарк от расстройства впал в депрессию и заболел. «Несостоявшееся свидание с Кэти Орловой, которого он ждал, сгорая от нетерпения, — пишет еще один историк, — надолго вывело Бисмарка из рав-

новесия, вызвав цепь странных и логически необъяснимых поступков. Его неконтролируемые приступы гнева даже послужили причиной резких нот глав некоторых европейских держав, задетых грубостью канцлера»...

И наконец, крошечная деталь, которую я буквально выудил из мемуаров самого Бисмарка и его близких. Однажды, когда Кэти, направляясь из Лондона в Россию, пересекала поездом Германию, Бисмарк, бросив все государственные дела, инкогнито примчался на какую-то промежуточную станцию, инкогнито сел в поезд, провел четыре часа в купе наедине с Кэти и после этого вернулся в Берлин...

Да, все это факты, известные биографам Бисмарка. Другое дело – их интерпретация. Первая и Вторая мировые войны не способствовали, мягко говоря, объективному изложению историками обеих стран даже куда более известных событий в российско-немецких и немецко-русских отношениях. Что уж тут говорить о такой «мелочи», как любовь Бисмарка к «какой-то русской»! В этой связи легко объяснимо желание германских историков выставить эту любовь мимолетным увлечением или попросту умолчать о ней. Но когда внимательно читаешь биографии Бисмарка, написанные разными авторами, когда сводишь воедино изложенные в них факты и сопоставляешь их с письмами самого Бисмарка, возникает совершенно ясное ощущение не только всепоглощающей страсти великого канцлера к юной русской красавице, но и новое прочтение истории Германии конца

девятнадцатого века. Во всяком случае, в стенах Мюнхенской библиотеки, где я зарылся в многочисленные биографии Бисмарка и его переписку с Кэти Орловой, мне стало очевидно: пока Орлова была жива, звезда Бисмарка стремительно восходила к зениту, он добился феноменальной власти и могущества. При этом «самое сокровенное, – пишут историки, – он привык доверять только письмам Кэти Орловой. Эта трогательная переписка, доверительная и откровенная даже в вопросах европейской политики, продолжалась почти четырнадцать лет. Железный Бисмарк предстает в ней с совершенно неожиданной стороны: за внешней бравадой, оказывается, скрывался крайне одинокий, чувствительный и ранимый человек, болезненно переживающий даже мелкие обиды».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.